

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

ВЛАДИМИР
ПОЦЕЛУЕВ

«ВЕЧНО ЖИВОЙ»

Владимир Поцелуев
Великий Ленин. «Вечно живой»
Серия «Гении власти»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8369687
Владимир Поцелуев. Великий Ленин. «Вечно живой»: Эксмо, Яуза; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74860-0

Аннотация

«Если предложить хорошую цену, капиталисты продадут нам веревку, на которой мы их повесим», «Богатые и жулики – две стороны одной медали», «Интеллигенция – не мозг, а г... нации!», «Мы пойдем другим путем!» – так говорил В.И. Ленин. Хотя после его смерти прошло уже 90 лет, ожесточенные споры о «Вожде мирового пролетариата» и его роли в истории не стихают до сих пор. Ленина проклинают как «тирана и палача», «залившего кровью всю Россию». Его прославляют как гениального политика, отца-основателя СССР и великого пророка, чьи идеи особенно актуальны сегодня: ведь еще сто лет назад он предупреждал и о зверином оскале финансового капитализма, и о бесплодности «экономики по производству денег», этого «самопожирающего монстра», обрекающего мир на глобальные кризисы...

И в чем бы ни обвиняли Ленина заклятые враги, даже они вынуждены признать очевидный факт: он был великим политиком, ГЕНИЕМ ВЛАСТИ, оставившим неизгладимый след в истории не только России, но и всего мира!

Содержание

Введение	5
Известное, придуманное, тайное	12
Пероеро, разящее, как штык	13
О времени и о себе	27
Идеи и директивы	32
Целеустремлённость В. Ульянова	38
Создание «ленинской секты»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Поцелуев

Великий Ленин. «Вечно живой»

Счастливых революций никогда не бывало.

Николай Бердяев.

Новое Средневековье.

Размышления о русской революции.

М., 1991. С. 35

Эта всеобщая обязательная, принудительная к употреблению ложь стала самой мучительной стороной существования людей в нашей стране – хуже всех материальных невзгод, хуже всякой гражданской несвободы.

Александр Солженицын.

Письмо вождям Советского Союза.

М., 1974. С. 39

Введение

Вот уже 100 лет водит народы России дух великого революционера-интернационалиста Владимира Ильича Ульянова, физическую оболочку тела которого можно еще лицезреть в Мавзолее на Красной площади столицы. «Ленин» – это не только алая надпись на черном граните, но и имя, с которым не одно поколение огромной страны трудилось, боролось и умирало. Монументы вождю стоят на центральных местах тысяч городов и селений, а его идеи, оформленные в учение марксизма-ленинизма, пытаются приспособить и в настоящее время.

Без сомнения, теория, созданная Ульяновым-Лениным, весьма привлекательна, ибо содержит в себе наиболее желанные мечты человечества. Однако реальные пути и практические методы их достижения противоречили главному – человеческому благосостоянию и даже самой человеческой жизни. Жизненная практика ленинской теории социалистического строительства оказалась несостоятельной, но оставшиеся ее апологеты пытаются отстоять «чистоту» ленинизма, уверяя, что его не так понимали и извращали. А разве можно было исказить ленинское теоретическое наследие, выходявшее многомиллионными тиражами,

пятью «полными» собраниями сочинений и дублирующими 55 томов ленинских произведений отдельными изданиями.

Ленинизм стал государственной идеологией, особой формой сознания, ментальности, мировоззрения, верой в будущее, ради которых человеческое «я» превращалось в абстрактное «мы». Индивидуальный разум превращался во всеобщее послушание вождю, которого уже и не существовало, но его идеи интерпретировались в угоду властолюбивым лжепророкам.

«Основы ленинизма – тема большая. Для того чтобы ее исчерпать, необходима целая книга. Более того – необходим целый ряд книг», – утверждал И.В. Сталин в начале апреля 1924 г. в лекции «Об основах ленинизма», прочитанной в Свердловском университете. И был совершенно прав.

«Вся правда о ленинизме состоит в том, – пояснял Сталин, – что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата»¹.

О «новых условиях» приходилось лишь догадываться, ибо еще не были написаны и растиражированы разъясняющие статьи и книги недоучившегося семинариста, ставшего профессиональным революционером, продолжателем «дела великого Ленина», об «особенностях развития капитализма в России» и «классовой борьбе пролетариата» в аграрной, богобоязненной, малограмотной стране. Вместе с тем Сталин дает четкое определение ленинизма, которое многомиллионными тиражами будет внедряться в сознание масс. Только 11-е издание книги И. Сталина «Вопросы ленинизма» вышло в Москве в 1939 г. тиражом 4 млн экземпляров. При элементарных математических расчетах получается: на 190 млн 700 тыс. населения СССР в 1939 г., с учетом 217 человек обоего пола с высшим и средним неполным образованием на 1000 человек, на каждого грамотного приходилось по книге.

«Что же такое, в конце концов, ленинизм? – ставил вопрос Сталин и отвечал: – Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и эпохи пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности... Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывания пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов.

Вот почему ленинизм является развитием марксизма»².

Сталинское определение ленинизма соответствует весьма общему понятию роли Ленина в создании теории и становлении на практике социалистического строительства. В частности, Ленин не «подвизался в период развитого империализма», тем более для России. Об эпохе «пролетарской революции» говорить было преждевременно, ибо СССР был единственной страной «победившего социализма». Деление же демократии на «разбитую буржуазную» и «победившую пролетарскую» не соответствовало здравому смыслу. Серьезного научного внимания заслуживает уточнение Сталина, что «ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности», ибо оно стало общепринятым. Ленинизм стал государственной идеологией, базовой теорией практического строительства социализма, методологией исследований буквально во всех отраслях науки. Изучение ленинизма являлось обязательной учебной дисциплиной во всех вузах и техникумах. Он пронизывал всю жизненную структуру осоветизированных людей вне зависимости от их партийности и желания. Ленинизм стал главным принципом социалистического строительства, несоблюдение его влекло самое строгое наказание.

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 2.

² Там же.

Таким образом ленинизм стал неотъемлемым не только для большевиков, но и всего многомиллионного населения многонационального Союза ССР. Сила ленинизма заключалась в политической эффективности, ибо идеи, выдвинутые Лениным, были близки и понятны большинству ущербного населения. Но ленинизм был очень опасен, ибо желанное предлагалось добыть в классовой борьбе путем диктатуры, которую не чувствует насильник, пока не станет очередной закономерной жертвой.

Жизненная практика правления большевиков-коммунистов показала неэффективность социалистического строительства, несостоятельность идей марксизма-ленинизма. Однако закономерное, но столь неожиданное крушение посредственно-привычного состояния жизни, распад СССР очень трудно понять и воспринять как должное. Целое поколение советских людей было воспитано на благородных мечтах и жесткой действительности, но вера в хорошее осталась и поныне.

Историки, политологи, философы, самая широкая общественность продолжают спорить о том, как гуманные идеи принесли страдания и горе строителям светлого будущего. Кто виноват, социалистические теоретики, вожди советского народа или независимые от людей обстоятельства?

Реальное содержание истории XX столетия нельзя оценить однозначно – божественным проклятием России или демонизмом партийных вождей, хотя и то и другое не отрицается. Оно прежде всего выражается в политическом авантюризме, неудачном экономическом курсе государственного развития, низком уровне благосостояния трудящихся, идейно-догматическом состоянии народа, резкой поляризации масс и руководителей, некомпетентности партийно-государственной элиты, неспособности ее организовать и убедить людей, а также нежелании какого-либо политического компромисса. Искать ответ необходимо в истоках формирования политики государственного управления, в идейных взглядах вождей России и прежде всего в ленинизме.

Актуальность проблемы исследования в том, что она как бы на слуху у всех, фактически представляет барьер, разделяющий общество на «пламенных ленинцев», «ярых сталинистов» и убежденных антикоммунистов. Но никто из них не владеет неоспоримым материалом своей правоты, ограничиваясь лишь отдельными тенденциозными фактами и субъективным суждением. На наш взгляд, необходимо выяснить основу, единую для противоречивых оппонентов, ибо в ее истине перспектива идейного и экономического развития России, выявить соответствие ленинской теории и практики строительства социализма.

Вся жизнь советского общества ассоциировалась с именем Ленина – от идей, планов до побед, и никогда не упоминались поражения. Их просто «не существовало», а если их невозможно было скрыть, то их причиной объявлялись «враги народа», противники ленинизма – оппортунисты. Обожещенный Ленин рождал и культы соратников-последователей, которые постоянно подчеркивали неизменность курсу учителя, обильно цитируя его теоретические труды. Культ вождей в основном опирался на потребность стихийных революционных масс в харизматических личностях. Пантеон политических вождей стал необходимым элементом идейно-символической основы идеократического режима – мифа о героических революционерах, преобразующих все, даже против воли бога и самой природы. Н. Бердяев полагал, что в Ленине соединились традиции русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и исторические традиции российской власти в ее наиболее деспотических проявлениях. И друзья, и враги видели в Ленине незаурядную, сильную личность, умного эрудированного человека, бескомпромиссного политического собеседника, жесткого партийно-государственного руководителя.

Феномен ленинизма практически неотделим от теории и практики большевизма, который давно стал предметом научных исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако в период советской истории анализ большевизма, впрочем, как и всей

идеологии марксизма-ленинизма, проводился необъективно, без минимальной критической оценки даже явно догматического и преступно содеянного. Выработался и строго соблюдался жестокий политический каркас общественного мышления, отход от которого карался не только мезью Коммунистической партии, но и самыми строгими статьями Уголовного кодекса. Попытки критического анализа политического состояния советского общества соотечественниками, как правило, терпели фиаско, а критики оказывались в уголовно-исправительных лагерях строгого режима, в психлечебницах, в политической ссылке.

Обожествление Ленина шло не только за счет хвалебного воспевания его жизни и деятельности, но и за счет забвения его соратников, не говоря уже о политических оппонентах, оклеветанных и расстрелянных, имена которых даже не упоминались в академических и энциклопедических изданиях, так же как пропали настоящие фамилии революционных кумиров. До настоящего времени нет полного, объективного исследования и оппозиции Ленину, хотя в различных изданиях, вышедших в 90-е гг., есть упоминание об отдельных эпизодах борьбы за власть.

В эпоху современной многопартийности и политического плюрализма особо остро встал вопрос о роли личности в истории и особенно в повседневной жизни России. В партийных документах, в многообещающих выступлениях политических лидеров проводятся концепции благосостояния российского населения, защиты его прав и человеческого достоинства, мира во всем мире. С различных теоретических позиций предлагаются формы и методы практического решения столь важных проблем. Главная цель столь интенсивной борьбы сосредоточена на взятии власти, без которой, по единодушному мнению, невозможны радикальные улучшения общества. Однако, как показывает исторический опыт, не все благие намерения ведут в рай. А заманчивые идеи и пламенные речи революционеров и реформаторов не всегда выливаются потоками живительного дождя, зачастую превращаясь в испепеляющие все живое молнии и гром.

Всякое общество состоит из личностей, среди которых есть авторитеты, которые фактически управляют различными аспектами общественной жизни, ведут за собой массы. Общественная борьба за лидерство порождает новые и более совершенные авторитеты, добрые дела которых украшают историю цивилизации. В то же время на фоне общественных желаний появляются и псевдаавторитеты, за ошибки которых страдает все общество. Естественно, от ошибок никто не застрахован, да и не всегда они трагичны. Человеку трудно признать свои ошибки, ибо его разум эгоистически находит различные оправдания, что еще больше усугубляет их последствия для окружающих. Беда заключается в том, что чем выше в общественном положении ошибающийся человек, тем больше страдает людей, и страдания усугубляются по мере дальнейших действий несменного лидера.

Таким образом, вопрос о роли личности и прежде всего о роли личностей верховного руководства страны в развитии общества наиболее значим как в политико-теоретическом, так и в историко-практическом отношениях. Вследствие этого особое внимание нами обращено на личность основателя партии большевиков и советского государства – Владимира Ильича Ульянова (Ленина), о котором написано очень много, с явными приукрашениями его жизни и деятельности отечественными авторами и критически зарубежными историками. В основном эта литература имеет добротную, но весьма одностороннюю источниковую основу с обильным цитированием классиков марксизма-ленинизма. Авторы пытались оправдать необходимость классовой борьбы в общественном развитии; приоритет политики над экономикой; преимущество общественной собственности и планового ведения государственного хозяйства над частной собственностью и рыночными отношениями. Не подвергалась и толике сомнения правильность идей К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленина и живых вождей РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС, которых представляли ревизионистами, отступниками после их смерти. Идеи и дело Ленина боготворили вне зависимости от жизненных

реалий. Во всем столь однообразно мажорном представлении ленинской теории и практики социалистического строительства явно ощущалась партийно-государственная направленность, жесткий идеологический контроль, определявшие псевдонаучность и зашоренность советских обществоведов.

Вместе с тем отечественные историки с особым энтузиазмом показывали истинный героизм простого народа, его веру в светлое будущее, которые со временем переходили в апатию, сарказм, недоверие к государственным руководителям и яростным беспринципным агитаторам «квасного патриотизма», некомпетентным проводникам коммуно-социалистической идеологии.

Тех же ученых, которые пытались представить критический анализ исторического прошлого, дать лишь отвлеченный, относительно реальный прогноз будущего социалистического развития, не просто громили хорошо организованные бездари, поддерживаемые партийным начальником, но и физически истребляли, превращая в безликую лагерную пыль.

Появилась обширная историография исследуемой проблемы, в которой особое место занимала «критика буржуазных фальсификаций». Сами же труды оппонентов были заключены в специальные хранилища крупнейших библиотек, доступные лишь ограниченному кругу ученых³. Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ различных монографий и мемуаров был почти невозможен.

Провозглашенная политика гласности открыла отделы специального хранения, отмена лицензирования печати дала возможность «прихода» научно-исторической литературы политических оппонентов. Проблема ленинизма в конце 80–90 гг. затронута отчасти в различных исследованиях философов, политологов, юристов и представителей других общественных наук. В исторической науке ее разработка лишь начата, но еще далеко не достаточно. Главной причиной интенсивности научных исследований историзма ленинской теории и практики социалистического строительства в России является: во-первых, закрытость наиболее секретных документов, а зачастую явное их уничтожение; во-вторых, еще есть сомнения, трудности и опасности в «развенчании» обоготворенного вождя и его все-сильной партии.

Конец 80-х годов был характерен поиском компромиссов, т. е. признания частичных ошибок партийной элиты, излишней заорганизованности советского общества, бесконтрольности карательных органов, но принципиально-основные позиции ленинизма по построению социализма сохранялись. Это несмотря на то, что массив научно-исследовательской, общественно-политической и учебно-методической литературы, которая на протяжении длительного времени, казалось, успешно служила нам для передачи от поколения к поколению скрижалями отечественной истории, обнаружил свою негодность. Выцветал не только радужно раскрашенный фактический материал, но главным образом классовые оценки и концептуальные схемы, методика самого преподнесения материала⁴. И все же, как бы ни желали изменить «многие оценки и концептуальные схемы» добросовестные коллеги, этого еще не позволяла партийно-государственная система власти. Да и как можно было обновить, заново переосмыслить тот или иной аспект отечественной истории, особенно истоки формирования государственной политики и личностей партийно-советских руководителей, при сохраняющихся в глубокой тайне многих секретных, особо секретных и секретных особой важности документах, да и монографиях зарубежных исследователей.

³ Жарков М.Г. Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975; Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Шишкина И.М. Правда истории и домыслы советологов. Ленинград, 1977; и др.

⁴ См.: Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Сост.: В.К. Горев, В.Н. Донченко, С.А. Степанов. Под ред. В.И. Купцова. М., 1988. С. 5.

Таким образом, историография проблемы: а) специфично обширна, ибо те или иные исторические факты, события, суждения и выводы исследователей рассматриваются как с классовых позиций, то есть с точки зрения идейно-политической борьбы, непримиримости буржуазии и рабочих, так и с общечеловеческих позиций; б) весьма ограничена, свободно-творческой интерпретации нетрадиционных исследований еще крайне мало.

Характеризуя специфически обширную литературу, раскрывающую идейные истоки большевиков, борьбу за власть и установление «диктатуры пролетариата», необходимо отметить, что с точки зрения идеологии марксизм-ленинизм – это закономерный анализ происшедшего. Нормальным явлением можно считать включение в партийную программу идей равенства, справедливости, братства и т. п. благородных помыслов человечества, родившихся вместе с ним и живущих поныне. Нет ничего предосудительного и в том, что большевики стремились к власти, ибо это цель любой политической партии. К тому же фундаментальные труды по истории КПСС оперировали многочисленным фактическим материалом, и эту заслугу исследователей невозможно отрицать. Вместе с тем выводы, представленные в советских изданиях, как правило, ортодоксально идеологизированы, за чем следил специальный партийно-цензорный орган – Главлит. В соответствии с «холодной войной» были отредактированы исследования западных историков и политологов, фактический материал которых был более критичный, нежели в советских изданиях.

Весьма благоприятное воздействие на историографию ленинского периода партийно-государственного руководства Советской Россией оказали перестроечный процесс конца 80-х гг. советского общества, отмена политического давления, гласность и снятие ограничения к доступу в архивы. На основе новых документов с точки зрения общепринятых общественно-демократических форм и методов научных исследований появились ранее неизвестные советским историкам труды их зарубежных коллег и дискуссионно-новаторские исследования, даже с несколькими перехлестом критического анализа⁵. Подробный, детализированный анализ литературы и источников представлен в первой главе.

Разноплановость историографического анализа, отсутствие конкретного исторического исследования, раскрывающего исторические корни политики большевиков, диктуют необходимость фундаментального изучения проблемы соответствия ленинской теории и практики строительства социализма в России. Автор считает актуальным, правомочным и своевременным настоящее исследование, задачами которого являются:

1. Показать механизм формирования «партии нового типа», не скрывающей своих амбициозных целей по захвату государственной власти.
2. Доказать необходимость установления диктатуры партии.
3. Раскрыть формы и методы идеологического оболванивания народных масс, всеобщего террора.
4. Прояснить финансовую базу большевиков и их вождей, превратившихся в партийно-государственную олигархию.

Особое внимание автор уделит личностям революционеров и их оппонентов с глубоким убеждением в том, что их роль в истории весьма существенна. Автор рассматривает индивид вождя не только как цель исторического анализа, но и как средство, оказавшее волевое воздействие на основные процессы общественного бытия, которые изменили или значительно прокорректировали естественный ход истории.

Хронологические рамки исследования определены началом социально-экономического кризиса в России и партийной деятельностью В.И. Ульянова и физической смертью В.И. Ленина (1893–1923 гг.), после которой нельзя было приписать что-либо лично вождю большевиков, но толковать ленинизм можно было по-всякому.

⁵ Вернадский Г.В. Ленин – красный диктатор. М., 1998.

Книга построена по системно-структурным и сравнительно-историческим методам исследования, способным не только выявить и проанализировать основные направления ленинской революционной теории, формы и методы развития политики большевиков, но и сопоставить их теоретические взгляды с реальными делами социалистического строительства в Советской России. В работе использовались проблемно-хронологический, ретроспективный и системный подходы, что позволило более глубоко и фактологически раскрыть процессы логической взаимосвязи теории и практики ленинизма. Автор опирался на базисные философско-этические представления о взаимоотношениях личности и общества. В основе исследования лежат два взаимосвязанных принципа общественного историзма: персонцентризм и системоцентризм – с использованием сопоставительного научного анализа противоречивого документального материала, отражающего истину общественного сознания и бытия.

Впервые в комплексном, фактологически обоснованном и логически завершенном исследовании показан историзм ленинской теории и практики социалистического строительства в России. На основе общепринятых критериев человеческих отношений проанализированы основные постулаты революционной теории марксизма-ленинизма, роль Ленина и результаты созданной им большевистской партии и системы государственного управления.

Исследование показывает пагубные результаты нарушения традиционного общественного бытия, определяющей основой которого является производительная (экономическая) деятельность людей, а не их действия по распределению материальных благ, созданных другими. Раскрыт механизм катастрофы человеческого сообщества, уверовавшего в радужные обещания обоготворенных ими вождей. Положения и выводы, представленные в работе, могут быть использованы в фундаментальном пересмотре идеологизированных выводов научных исследований по истории XX столетия, учебном процессе, в разработке программ политических партий и общественных объединений.

Структура работы обусловлена тематикой, целью и задачами исследования: введение, четыре главы по три параграфа, заключение. Структурное построение акцентирует внимание на ключевых этапах революционной теории и деятельности Ленина, истории политики и практики большевиков.

Научный аппарат монографии не ограничивается указанием литературы источников частичного цитирования, использования статистических данных и документальных фактов. Он включает и список сопутствующей литературы, которая явилась дополнительным стимулом оформления научных открытий, умозаключений, предсказаний, за что я искренне благодарен коллегам – союзникам и противникам столь актуальной и многогранной проблемы, затронутой мною.

Известное, придуманное, тайное

Основой предлагаемой вашему вниманию книги является обширная и разнообразная историография, затрагивающая исследуемую проблему. Автор концентрирует свое внимание на новейшей монографической литературе, в основном опубликованной в 90-е гг., которая подразделяется на критически-реставрационную и на оправдательно-реабилитационную.

Источниковая база исследования, включающая: 1) мемуары и эпистолярное наследие; 2) теоретические труды вождей и документальные источники их деятельности, – подразделяется на две группы документов: а) широкоизвестные и общедоступные; б) спецхрановские и пришедшие из-за границы, ранее недоступные и неизвестные.

Автор сознательно представляет обильное цитирование источников, что, по мнению соискателя, наиболее точно выражает сущность исследуемых вопросов, позицию субъекта и объекта ленинизма.

Пероеро, разящее, как штык

Одной из первых книг о роли Ленина в истории развития революционной теории и практики социалистического строительства в России стала рукопись русского историка Георгия Владимировича Вернадского «Ленин – красный диктатор». Книга, представившая взгляд ученого, не подверженного политическим устремлениям, была издана в США в 1931 г. В России же ее перевод вышел в 1998 году тиражом лишь 3500 экземпляров. Остановившись на основных вехах истории России конца XIX – начала XX веков, автор одним из первых пытался объективно изложить деятельность Ульянова-Ленина, проанализировать формирование теоретических взглядов основателя большевизма и практическое их внедрение в процессе социалистического строительства.

Вместе с тем работа нашего соотечественника, эмигрировавшего из Советской России в 1920 г., слабо документирована, к тому же не имеет научного оформления, даже ссылок на цитируемые произведения Ленина. Автор упускает несколько главных моментов, характеризующих Ленина как «красного диктатора»: 1) процесс установления диктатуры большевиков, 2) роль Ленина в централизации власти вождя, 3) финансирование партии и др.

Весьма своеобразной является книга профессора США Энтони Саттона, написанная в 1974 г., попавшая в Россию в 1998 г., – сенсационное и явно небесспорное исследование о финансировании ленинского переворота в России, материальной помощи большевикам в Гражданской войне и в укреплении власти Советского правительства во главе с Лениным.

Профессор Э. Саттон на основе рассекреченных правительственных архивов США, Канады и Великобритании доказывает, что без финансовой, дипломатической и политической поддержки, оказанной Троцкому и Ленину их мнимыми противниками, а на деле заинтересованными в революции союзниками – капиталистами Уолл-стрита, «большевики вполне могли быть сметены».

Опубликованные Э. Саттоном документы вскрывают истинные пружины механизма принятия определенными кругами США и их союзников решений, направленных на поддержку правительства Ленина. Анализ мотивов Уолл-стрита американский исследователь рассматривает с экономико-финансовой точки зрения, ибо деньги, по его убеждению, – «кровь общественной жизни». В связи с этим особое внимание уделяется проблеме еврейского вопроса и «русской» революции, ибо любая революция расчищает пути к обогащению. По иудаизму же, главное не бессмертие души и загробный рай, а обретение финансово-материального изобилия и благополучия на земле.

Саттон вполне обоснованно подтверждает вывод российского философа В. Соловьева, что в XIX веке «иудейство... успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях» за счет ростовщичества – «презираемого занятия» христиан – и того, что «финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)»⁶, и подчеркивает, что в хаосе России был заинтересован сионизм, объединенный в международные масонские ложи, обладавшие мощной, влиятельной финансово-политической силой, по мнению философа И.А. Ильина – «мировой закулисой». В соответствии с этим автор анализирует отношения идеологов социалистической революции в России: Троцкого с американскими и канадскими государственными деятелями; Ленина с германскими милитаристами; показывает результаты миссии американского Красного Креста и компании «Гаранта Трест» в России; рассматривается и проблема экспорта революции.

Несмотря на ряд убедительных, документально аргументированных доводов, обобщений и выводов, монография написана безапелляционно резко, особенно в отношении буржу-

⁶ Соловьев В. Статьи о еврействе. Иерусалим, 1979. С. 8.

азных монополистов, идейных большевиков и всемогущих сионистов. «Существует обширная литература на английском, французском и немецком языках, – утверждает, и не без оснований, Э. Саттон, – отражающая тот аргумент, что большевистская революция была результатом «еврейского заговора», а более конкретно – заговора еврейских банкиров всего мира. В общем, в качестве конечной цели предполагается их контроль над миром; большевистская же революция была лишь одной фазой более широкой программы, которая якобы отражает многовековую религиозную борьбу между христианством и «силами тьмы»⁷.

По мнению Э. Саттона, «национал-социалист (например, фашист) и интернационал-социалист (например, коммунист) одинаково насаждают тоталитарные политико-экономические системы, основанные на неограниченной власти и принуждении индивидуума. Обе эти системы требуют монопольного контроля над обществом».

На наш взгляд, разница незначительна, ибо фашисты ратуют за националистические интересы, коммунисты за интернациональные. Первые строят диктатуру на псевдонациональной гордости и страхе национального (сионистского) порабощения, вторые – на страхе национального непримирения и фактического национального разобщения, дающего возможность управлять не основной нации, а претендующей на мировое господство меньшей (еврейской) нации.

«...к концу XIX века жрецы Уолл-стрита поняли, – считает Саттон, – что более эффективный путь к завоеванию непоколебимой монополии заключается в том, чтобы «пойти в политику» и заставить общество работать на монополистов под вывеской общественного блага и общественных интересов... Существовала и существует неразрывная, хотя и скрываемая взаимосвязь между международными политиками-капиталистами и международными революционерами-социалистами – к их взаимной выгоде. – 1) Капиталисты-монополисты являются злейшими врагами свободного предпринимательства, и 2) с учетом неэффективности централизованного планирования при социализме тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями, если им удастся заключить союз с представителями социалистической власти»⁸.

Выходит так, что, как только такого союза достичь не удалось, Советский Союз развалили, дестабилизировали весь общественный уклад жизни бывших социалистических республик, тем самым создав самые благоприятные условия для их монополизации, а точнее, разграбления и финансового закабаления.

«Короче говоря, – пишет Э. Саттон, – в этой книге предлагается история большевистской революции и ее последствий, но история, которая расходится с традиционно упрощенным подходом «капиталисты – против коммунистов»⁹.

Одной из фундаментальных, но неизвестной до недавнего времени для советской общественности книг является двухтомник Луиса Фишера, который надеялся, «что русский перевод моего труда, первоначально опубликованного по-английски, явится известным вкладом в дело объективного и тщательного изучения жизни Ленина и его места в истории в перспективе 100-летней годовщины со дня рождения основателя Советского государства». По мнению Фишера, «Ленин был человеком особого рода – помимо большой роли, сыгранной им в истории... В опубликованных работах, статьях, заметках и письмах Ленина и дневниках его сотрудников вырисовываются его политический профиль и весь ход революционного движения до 1917 г. и становление Советской России по 1924 г.».

Луис Фишер, проживший 14 лет в нашей стране, «попытался дать образ как самого Ленина, так и людей, с которыми он работал, и показать их взаимоотношения с подвласт-

⁷ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 221.

⁸ Там же. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 13.

ным населением»¹⁰. Очень трудно критически оценивать труд человека, стоящего на иных идеологических позициях, тем более не претендующего на исчерпываемость своей научно-популярной книги, но добросовестно ссылавшегося на исторические факты.

Исследованием формирования культа личности основателя большевизма и создателя огромной державы СССР явилась книга профессора Гарвардского университета Нины Тумаркин, в которой представлена не только политическая, но и психологическая, культурно-историческая, мифологическая подоплека культа Ленина. В монографии «Ленин жив! Культ Ленина в Советской России», вышедшей из печати в 1983 г., «сделана попытка показать и осмыслить литературные, визуальные и материальные воплощения политического мифа»¹¹.

Уделяя внимание истокам культа личности Ленина в России, месту Ленина «в большевистской мифологии», сохранению его мощей, ритуалу его похорон, сохранению его тела и посмертной канонизации личности Ленина и его учения, автор крайне мало анализирует формирование идеологии вождя большевизма и его практическую деятельность.

Одним из первых российских ученых, опубликовавших весьма критическое историческое исследование биографии и общественно-политической деятельности Владимира Ульянова (Ленина), явился Аким Александрович Арутюнов. В книге «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)» на документальной основе, многое из которой впервые вводится в научный оборот, автор делает попытку раскрыть «сущность большевизма... методы и средства борьбы за власть». Арутюнов не без оснований считает, что «по масштабности и изощренности совершенных злодеяний Ленин далеко превзошел своих именитых предшественников. Такого страшного зла не причинил народам России ни один глава государства, ни один лидер реакционных партий»¹².

Наиболее полно политический портрет Ленина представил доктор философии, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, генерал-полковник в отставке, бывший член Государственной думы России Дмитрий Антонович Волкогонов, который «сам долгое время был под огромным влиянием идей Ленина» и непосредственным проводником его идей, работал в Военной академии преподавателем философии, заместителем начальника Главного политического управления Советской армии. «Но глубокое ознакомление с доселе закрытыми архивами Политбюро, ЦК КПСС, другими неизвестными ранее материалами постепенно привело (на рубеже его 60-летнего жизненного пути. – В.П.) автора к глубоко осознанному выводу: в XX веке все главные беды России исходят от Ленина и созданной им организации...»¹³

Не вдаваясь в подробный историографический анализ книг Волкогонова, который неоднократно был проделан коллегами-историками и философами с диаметрально противоположными мнениями, необходимо признать: 1) основательную источниковедческую проработку темы; 2) научно-аргументируемые критические выводы автора; 3) взаимосвязь Ленина со своими соратниками и последователями.

Вместе с тем: 1) не проработаны некоторые вопросы автором (вероятно, от спешки в столь интенсивной деятельности)¹⁴, они логически уязвимы и небесспорны; 2) недостаточно четко исследована историческая ретроспектива формирования идей Ленина (в их явном противоречии) и деятельности «созданной им организации».

¹⁰ Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2-х томах. М., 1997. С. 3.

¹¹ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.

¹² Арутюнов А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992.

¹³ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1994. Кн. 1, с. 478.

¹⁴ См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1992; *Он же*. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1992; *Он же*. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. В 2 кн. М., 1995.

Идейно верящие в коммунизм и поныне считают предателями и отщепенцами тех, кто, и не без оснований, изменил тому, что сам и пропагандировал, кто, подобно Волкогонову, мямлил, что не знал «всей правды о Ленине, о большевиках, потому что ее якобы прятали в архивах...»¹⁵.

А разве это не так? Почему до сих пор мы по крупицам получаем факты из неопубликованных 3724 ленинских документов, находящихся в секретных фондах? По мнению Жореса Александровича Трофимова, который «более тридцати лет занимается изучением жизни и деятельности В.И. Ленина, семьи Ульяновых», им написаны десятки книг, исследований, «громадная часть из 3724 неизвестных документов – это листовки, газеты, журналы, книги, выписки из них, которые вряд ли заслужили публикации в качестве «новых ленинских документов». И это пишет кандидат исторических наук в год 1997-й, когда не только А. Арутюнов, Д. Волкогонов, А. Латышев, В. Солоухин, А. Яковлев и др. лишь частично воспользовались неизвестными ленинскими документами, но и гораздо ранее их «Известия ЦК КПСС».

Ну а что касается самих трудов на основе неизвестных ленинских работ и с иной трактовкой общеизвестных фактов Ж. Трофимов, как и редактор его книги кандидат исторических наук В.А. Перфилов, «при поддержке членов ульяновского общества «За правду о В.И. Ленине и нашей истории», то это якобы «метаморфозы... мифы... пасквиль... спекуляция... злобные вымыслы о вожде... ложь да навет»¹⁶. В небольшой – 5 п. л., но гораздо более злобной, нежели критикуемый труд Д. Волкогонова – 60 п. л., брошюре Ж. Трофимов пытается доказать, что «опус Волкогонова так густо усеян ошибками, измышлениями и клеветой, что необходим разбор каждой его главы»¹⁷.

Вместе с тем критик не соизволил остановиться на конкретном разборе книг Волкогонова, упрекая его в бесчеловечности за то, что он назвал Ленина «антихристом XX века» и опубликовал снимок «обезумевшего от неизлечимой болезни человека». Действительно, снимок неприятный и неэтичный. Ну а разве этично было врать всему миру о состоянии Владимира Ильича, да к тому же выставлять немощного вождя на высшие партийно-государственные посты.

Аналогичной тактике в отстаивании Ленина придерживается и Владимир Акимович Чебыкин, утверждая, что «Волкогонов использует иезуитскую тактику: признает достоинства ленинского интеллекта только в тех пределах и только для того, чтобы опорочить его». Автор отрицает какую-либо критику в адрес Ленина, при этом в качестве доказательств ссылается на изданные ранее идеализированные воспоминания ленинских соратников, идеологизированные монографии. Зачастую использует абсурдный прием, выражающийся формулой «Этого не было, ибо этого не могло быть». Не отвечая фактологически, он упрекает Волкогонова, Афанасьева и др. в том, что раньше в своих трудах они ссылались на Ленина¹⁸.

Генрих Зиновьевич Иоффе предпринял попытку «дать историю русских революций (от февраля 1917 г. до весны 1918 г.) через характеристику личностей и деятельности трех главных политических лидеров эпохи: В. Ленина, А. Керенского и Л. Корнилова, олицетворявших собой три политические противоборствующие силы – левый радикализм, демократический центр и правые». Монография Г.З. Иоффе отчасти «позволяет по-новому взглянуть на

¹⁵ Трофимов Ж.А. Волкогоновский Ленин. (Критический анализ книги Д.А. Волкогонова «Ленин»). М., 1997. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 17, 18.

¹⁷ Латышев А. Рассекреченный Ленин. М., 1996; Солоухин В. При свете дня. М., 1992; Вождь (Ленин, которого мы не знали). / Сост. Г.П. Сидоровнин. Саратов. 1991; Молчанов И. «Он испроверг себя...» 11 тезисов к годовщине смерти Ленина. «Независимая газета», 1994, 22 января; Яковлев А.Н. «По мощам и елей». М., 1995; Трофимов Ж.А. Волкогоновский Ленин. С. 2–96.

¹⁸ Чебыкин В.А. Фальсификация ленинского образа. Астрахань, 1995.

драматические события 1917–1918 гг., глубже понять причины, определявшие победу левого радикализма большевиков»¹⁹.

Фундаментальной явилась трилогия профессора русской истории Гарвардского университета Ричарда Пайпса, который попытался проанализировать политический строй в России от зарождения государственности в IX веке и до смерти В.И. Ленина²⁰. В ней ставятся вопросы: «Почему в России в отличие от остальной Европы, к которой Россия принадлежит в силу своего местонахождения, расы и вероисповедания, общество оказалось не в состоянии стеснить политическую власть какими-либо серьезными ограничениями? Почему не удалось создать государственную систему, ответственную перед народом и выражающую его интересы?»²¹

Необходимо отметить ряд особенностей, характерных для исследований Р. Пайпса, каждое из которых является самостоятельной, логически завершенной книгой. В то же время историческое изложение определенной проблематики делает их научным триптихом. «В отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, я, – утверждал Пайпс, – ищу их в российских институтах... В своем анализе я делаю особый упор на взаимосвязь между собственностью и политической властью»²². Пайпс считает, что «русская революция продолжалась целое столетие... По моему мнению, – утверждал он, – кульминация приходится на четверть столетия, которое отсчитывается от начала широких волнений в российских университетах в феврале 1899 г. и заканчивается со смертью Ленина в январе 1924 г.»

Такая хронология малоубедительна, ибо даже выступления «декабристов» не внесли чего-либо революционного, а тем более февраль 1899 г. и январь 1924 г. Февраль и октябрь 1917 г., январь 1918 г. и март 1921 г. являлись ключевыми моментами революции в России, ибо большевики, не участвовавшие в свержении самодержавия, совершив государственный переворот, даже в наиболее критические годы не упустили своей неограниченной власти.

На широком историческом фоне, с привлечением большого количества документов проанализированы основные аспекты деятельности российских социал-демократов в переломный период истории России – начиная с Кровавого воскресенья 1905 г. и включая свержение самодержавия в феврале 1917 г. – в монографии С.В. Тютюкина и В.В. Шелохаева «Марксисты и русская революция»²³. Представлено оригинальное и «в чем-то субъективное видение истории большевистской и меньшевистской фракций РСДРП». Исследование лишено традиционно тенденциозного идеализирования ленинизма и большевизма. Тщательный деидеологизированный анализ разнообразных исторических источников, отечественной и зарубежной литературы, новых архивных материалов, дается сопоставительное сравнение позиций непримиримых большевиков и меньшевиков. Научная ценность проведенного исследования состоит в углублении предыстории Октябрьской революции 1917 г., показавшей на деле «силу» большевиков и соотношения ленинской теории и практики социалистического преобразования.

Многие ученые-историки, «твердо стоявшие» на позициях марксизма-ленинизма и рьяно защищавшие необходимость и правоту социалистического строительства, представляются сейчас жертвами политической конъюнктуры, которая «нежно выкручивала нам руки». В связи с этим весьма своевременна, интересна и небесспорна книга «История и конъюнктура»

¹⁹ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

²⁰ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993; *Он же*. Русская революция. В 2-х книгах. М., 1994; *Он же*. Россия при большевиках. М., 1997.

²¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 10.

²² Там же. С. 10–11.

²³ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 4.

юнктура», в основу которой положены статьи, опубликованные авторами в 1987–1990 гг. Ученые-историки Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов – авторы «исторических воспоминаний» – ставят задачу: «Понять механизм конъюнктурного давления на науку, чтобы хоть так защитить себя и своих читателей (в чем-то, может быть, и других предостеречь) от коварного плена узкопартийных пристрастий, превращающих поиски истины в «охоту за ведьмами»²⁴.

Историографический анализ своевременного труда Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова позволяет констатировать: во-первых, суждения авторов не лишены конъюнктуры; во-вторых, прослеженные ими «перестроечные изменения в массовом историческом сознании и профессиональной историографии ищут ответы на «проклятые» вопросы нашего прошлого...»²⁵, одними из которых являются исторические корни политики большевиков, ленинизм и другие «тенденции последних лет»²⁶.

«Любая революция, – считает доктор исторических наук, профессор В.В. Журавлев, – демонстрирует полный набор взаимоисключающих явлений и тенденций, на базе которых способны расцвести все мыслимые человеческие добродетели и пороки»²⁷.

Действительно, с такой констатацией можно согласиться, хотя революция – это конкретное действие, меняющее кардинально политическую власть.

«Революционный разряд страшной силы, – утверждает В.В. Журавлев, – был практически неизбежен, но большевикам, от этого никуда не уйдешь, удалось первоначально направить его (в русло) решения давно назревших и перезревших вопросов первостепенной социально-экономической важности: мир – народам, земля – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим»²⁸.

Остановимся на этом, хотя и здесь предельно ясно: во-первых, никакой неизбежности «революционного разряда страшной силы» и не предвиделось. Шла закономерная, мирная политическая борьба за формы и методы государственного управления; во-вторых, большевики, никто этого не скрывает и даже не старается принизить значения, заявили о своем курсе, наметив вехами его развития – мир, землю, заводы, т. е. действительно вопросы первостепенной социально-экономической важности, тем самым оправдывали незаконность своего государственного переворота и увлекли за собой на революционные социалистические преобразования трудящиеся массы и даже некоторую часть интеллигенции и офицерского корпуса. Но как разрешились эти архиважные, основополагающие вопросы и какова в этом роль стоявших у власти большевиков? Закономерно ли то, что произошло, или мешали субъективные обстоятельства? Вот в чем сущность проблемы.

В заключение Валерий Васильевич делает объективный вывод: «...большевики четко знали, на какие социальные силы – и прежде всего на радикально настроенные слои рабочего класса и деревенскую бедноту – может и должен опираться их режим. Они сумели от мобилизовать эти силы, дав им конкретные, яркие, вдохновляющие лозунги. При этом, даже отторгая, например, левых эсеров, они взяли на вооружение все действенное, что было в программе и тактике этих рыцарей крестьянской демократии. Достаточно гибко реагируя на обстановку, они умело маневрировали, выдвигая на первый план то экономику, то политику, но не пуская ни те, ни другие процессы на самотек»²⁹.

²⁴ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки. М., 1992.

²⁵ Там же. С. 35.

²⁶ См.: Октябрь 1917: величайшее событие или социальная катастрофа? М., 1991; Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 года. М., 1994; Историческое исследование в России: тенденции последних лет. / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996; Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году. «Отечественные записки». 1997. № 1.

²⁷ Журавлев В.В. Учит ли нас исторический опыт. «Кентавр», 1993, № 5. С. 69–70.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

С выводом профессора Журавлева мы солидаризируемся.

Иного мнения был кандидат исторических наук С.В. Леонов, утверждая, что «к 1917 г. у большевиков, равно как и в целом у российской социал-демократии, не было крупных заделов в разработке теории будущей государственной диктатуры пролетариата»³⁰.

Анализ ленинских работ, широко известных и в основном одобряемых соратниками, свидетельствовал об обратном. Они знали, что хотят, – взятия власти, представляли, как этого добиться, – путем завоевания большинства в Советах, вооруженного восстания и установления диктатуры, но не видели подходящего момента для решительного выступления. Об этом свидетельствовали события 3–5 июля 1917 г.

По мнению С.В. Леонова, высказанному несколько позже, «пока ни отечественная, ни зарубежная историография не могут дать аргументированные ответы на, казалось бы, очень простые, но принципиальные вопросы: каковы были истинные взгляды Маркса и Энгельса на государственность и демократию и кто был настоящим марксистом – Ленин или меньшевики, К. Каутский? Была ли осуществлена в Советской России марксистская «диктатура пролетариата» или же это была извращенная «диктатура над пролетариатом»? Советская государственность явилась материализованной идеологией или же «производной обстоятельств», связанных с Октябрьской революцией и Гражданской войной? Была ли она действительно принципиально новой, возникшей в результате слома прежней государственности, или же она представляла собой продукт ее эволюции? Насколько отличалось советское государство от самодержавного...».

На наш взгляд, это не совсем так. Маркс и Энгельс достаточно ясно выразили свои взгляды на государственность и демократию, которые концентрированно выразили девизом мирового коммунистического движения «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Конечно, понимали взгляды Маркса и Энгельса по-разному. В данном случае количество еще не определяет качество, что и подтвердила история. Спорить о какой-либо диктатуре можно, но ясно, однако, что любая диктатура есть насилие, а насилие применимо лишь к преступникам, которых определяет независимый суд. И как следствие диктатуры, взятой за основу государственного управления, явилось и подавление буржуазии, и продовольственная диктатура, и Гражданская война, и военный коммунизм, и политические репрессии, и все то, что привело советское общество к краху, а коммунистические формы и методы построения «светлого будущего» к дискредитации.

С Леоновым можно согласиться лишь в том, что действительно будет интересным сравнение советского государства и самодержавного «и как оно вписывается в общероссийский контекст?». В том, чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, и заключается замысел монографии С.В. Леонова «Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг.»³¹, а также рукописи диссертации «Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.)», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук в 1998 г.³²

«Заслуга» большевиков в создании тоталитаризма, считает доктор исторических наук Герман Антонович Трукан, уже достаточно изучена³³. В то же время он сам себе противоречит, посвящая отдельным, действительно достаточно изученным вопросам свой труд «Путь

³⁰ Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920 гг.). Вопросы истории, 1990. № 12. С. 29; *Он же*. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1996; *Он же*. Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1998. С. 10.

³¹ Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1996.

³² Леонов С.В. Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.). Автореферат... М., 1998. С. 10.

³³ Трукан Г.А. Была ли альтернатива большевистской власти? «Кентавр», 1993, № 5. С. 121.

к тоталитаризму: 1917–1929 гг.»³⁴. Не вдаваясь в фактологический анализ революционной теории большевизма и даже не вступая в дискуссию с Лениным, Г.А. Трукан «сосредоточил внимание на невольном способствовании этому (т. е. созданию тоталитаризма. – В.П.) антибольшевистских лидеров России и Запада. Они тоже вместе с большевиками расчищали почву, на которой потом произрастал чертополох сталинского тоталитаризма...»³⁵.

По нашему убеждению, что мы и попытались обосновать, «чертополох» тоталитаризма, посеянный до, стал произрастать после захвата власти большевиками, а при Сталине были уже его плоды и обновленные селекционные семена. И совершенно справедливо, что без соответствующей почвы и ухода за ней никакие корни не дадут плодов. К тому же нужны кропотливый труд, неумолимое время и непреклонная вера.

Проблеме формирования советской политической системы посвятил ряд работ доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Ефим Гилевич Гимпельсон, более 30 лет изучающий период ленинского руководства Советской Россией. Особое внимание он уделяет вопросам экономической политики, роли рабочего класса в управлении советским государством, становлении однопартийной диктатуры. В работах Е.Г. Гимпельсона четко прослеживается эволюция столь актуальных вопросов, расширение источниковой базы, исследований, прогрессивность научных взглядов вне зависимости от политической конъюнкции³⁶.

Природу и последствия революционного насилия рассматривает Владимир Булдаков, который впервые концентрируется на «психопатологии русской смуты XX века»³⁷.

Из трудов зарубежных исследователей конца 80-х – начала 90-х гг. представляются оригинальными работы доктора исторических наук, научного сотрудника Государственного центра научных исследований Франции Клаудио Сержио Ингерфлом, кандидата исторических наук (МГУ), доктора исторических наук (Сорбонна) Тамары Кондратьевой, Д. Штурман (Тиктиной) и др., в которых на основе произведений Ленина, его соратников и оппонентов делается попытка ретроспективного сопоставления национальных особенностей ленинизма, большевистских преобразований с якобинцами и современными реформами в России³⁸.

В то же время, признавая частичные ошибки исторического прошлого, представляя их как субъективные промахи и перегибы отдельных партийно-государственных руководителей, появляется ряд реставрационных изданий, носящих явно конъюнктурный характер, отстаивающих «чистоту» марксизма-ленинизма.

Оригинальной является брошюра Марка Васильевича Бойкова «Классики о классах. (Исправление по Марксу)», которая «представляет собой сборник больших и малых статей, написанных в разное время для газет, журналов и сборников и составленных в хронологической последовательности. В них ничего не изменено. Потому что истина не стареет, и от неостребованности актуальность ее только возрастает. Даже при наличии наивности».

³⁴ Там же, № 6. С. 110.

³⁵ Там же, № 5. С. 121.

³⁶ Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении советским государством. М., 1982; Он же. Путь к однопартийной диктатуре. «Отечественные записки», 1994. № 4–5. С. 94–110; Он же. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995.

³⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

³⁸ Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1988; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Штурман Д. О вождах российского коммунизма. В 2-х кн. Париж – Москва, 1993. Критически обоснованный анализ марксистских истоков ленинизма-большевизма дан в монографиях философов: Ципко А.С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1991; Лисичкин Г.С. К. Маркс – злейший враг российских большевиков. Размышления о причинах кризиса в России. М., 1993, историографический анализ которых подробно см.: Поцелуев В.А. Некоторые проблемы краптологии в истории России – в кн. Россия и мировая цивилизация. М., 1996.

«Отклоняли не за лживость написанного, – утверждает М.В. Бойков, – а именно за истинность, разоблачающую официальные идеологические позиции. Теоретическое разрушение партии (поймет читатель!), – уверен автор-правдоборец, – как и скрытое предательство марксизма, произошло задолго до Горбачева. Сам он стал лишь наиболее мерзостной их отпрыжкой: довел дело до предательства социализма»³⁹.

Столь обильное цитирование работ, представляющих «истину марксизма-ленинизма», дает какую-то гарантию рецензенту от обвинения его в непонимании общей концепции М.В. Бойкова, в которой «ничего не изменено». Не вдаваясь в схоластический спор, отметим лишь три позиции.

Во-первых, «мерзостная отпрыжка» является не делом предательства социализма, а показателем уже имеющегося факта заболевания общественного организма. По мнению Бойкова, «искажение, на котором мы стоим, идет от Иосифа Виссарионовича, разоблаченного Хрущевым только за чуть-чуть и не в главном»⁴⁰. Нетрудно догадаться, кому принадлежит «главное» разоблачение, хотя и явно запоздалое, как и для первой неопубликованной статьи 35-летнего автора, так и для 59-летнего теоретика-подпольщика марксизма-ленинизма. Хотя и здесь он может найти ответ в истине: «Лучше позже, чем никогда». Действительно так!

Во-вторых, Бойко не отрицает, а пытается доказать, и в некоторой степени довольно убедительно, что все, что было после Ленина, – это отход от теории и практики строительства коммунизма. Тем самым он призывает, да и не только он и в который раз, вернуться назад, к Ленину, ибо истину народного благосостояния открыл он – теоретик, учитель, практик, т. е. большевистский Христос.

В-третьих, подобного рода «научные труды», увидевшие свет благодаря «мерзкой отпрыжке», а поистине, при явном их подсвечивании угасающей «искрой» коммунистического светлого будущего, подтверждают актуальность, научную новизну и практическую потребность показа исторических корней политики большевиков, истины ленинизма, последователями которого продолжают оставаться рвущиеся к власти коммунисты. «То, что мы переживаем сегодня, – заявляет М.В. Бойков, – идет оттуда, из надломленного в своей сути социализма»⁴¹. И в этом мы согласны с ним и иже со товарищи.

«Не будем же отпевать то, что еще не родилось на свет»⁴², – считает кандидат исторических наук В.В. Дамье, имея в виду социализм. Да никто не «отпевает то, что еще не родилось», люди «отпевают» то, что было более 70 лет с названием «социализм». Ну а какой он есть на самом деле, лишь можно гадать, но это не предмет исторической науки.

«Научно-теоретическое обеспечение нового социализма, под которым понимается социализм немногочисленный, неэтикологический, небюрократический, государственно-самоуправленческий, планомерно-рыночный, последовательно демократический»⁴³, обеспечивает целый корпус специалистов, и не только самостоятельных, но и входящих в объединение «Российские ученые социалистической ориентации». По утверждению сопредседателя-координатора Центрального совета доктора юридических наук Бориса Петровича Курашвили, «РУСО существует третий год (т. е. с 1994 г. – В.П.), имеет более 70 региональных отделений, объединяет более 5 тысяч членов, от академиков и профессоров до ассистентов и студентов... Одна из уставных задач РУСО – разработка теории социализма... который впервые в истории утвердился в России, стал мировым явлением. И неожиданно

³⁹ Бойков М.В. Классики о классиках (Исправление по Марксу). М., 1997. С. 4.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Дамье В.В. Либеральный социализм или экологическая катастрофа? «Кентавр», 1993, № 1. С. 19.

⁴³ Курашвили Б.П. Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997. С. 2.

рухнул...»⁴⁴. Б.П. Курашвили предлагает «в качестве оптимального выхода новый социализм».

«Сверхзадача» же книги Б.П. Курашвили, считает его коллега и единоведец, «боевой друг и побратим», сопредседатель-координатор РУСО, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РСФСР Иван Павлович Осадчий, – «это статья на какое-то время чем-то вроде систематизированного теоретического пособия для борцов за новый социализм»⁴⁵.

На наш взгляд, амбициозно, самонадеянно и малоубедительно звучит заявление Б.П. Курашвили о том, что «Россия ждет Евангелия социализма, и оно родится»⁴⁶, не покупившегося и толикой марксистско-ленинской социалистической идеологии.

Проблема большевизма и реформации России рассматривается в работах известного политика и ученого Александра Николаевича Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС⁴⁷. В научно-популярном изложении академик «добровольно и осознанно принял на себя подвиг постановки и оглашения летального диагноза циничной системе порабощения человека, проросшей, в силу различных исторических обстоятельств, на российской почве»⁴⁸. Вместе с тем некоторые сугубо политологические аспекты рассматриваемой проблемы нуждаются в документальном подтверждении и представлении их в исторической ретроспективе, ибо недостаточно «суммировать те мысли-прозрения и заблуждения, которые подверглись жестокой проверке жизнью...».

Мы единоклюбно с Александром Николаевичем в том, что «для российского сознания, затуманенного гарью и дымом нетерпимости, особенно важно избавиться от мумий многочисленных догм, мифов и схоластических схем марксизма, прежде всего от тех, которые послужили идеологической основой режима моновласти, монособственности и моноидеологии»⁴⁹.

Неизвестным и не разработанным в российской и зарубежной историографии проблемам оценок русской эмиграции 20–30-х гг., истоков, сущности и последствий революционных событий 1917 г. в России; прогнозам и проектам будущего развития государственности посвящена монография Н.А. Омельченко «В поисках России...».

На основании широкого круга источников, на которые имеются ссылки в книге, автор исследует взгляды и воззрения видных деятелей русской эмиграции по вопросам:

Каковы особенности социально-экономического и политического развития России, сложная взаимосвязь которых явилась, по мнению большинства русских эмигрантов, причиной революционного крушения России?

Что обусловило победу большевиков в отсталой крестьянской стране?

Каким образом стало возможным установление в ней власти немногочисленной и малоизвестной партии революционного социализма?

Как объяснить длительность существования большевистского режима?

Почему «кучке насильников» не было оказано серьезного сопротивления со стороны угнетенного населения?⁵⁰

⁴⁴ Там же. С. 5.

⁴⁵ Там же. С. 6. В качестве «теоретического пособия для борцов за новый социализм» могут служить и другие книги и статьи. См.: Курашвили Б.П. Страна на распутье. М., 1990; *Он же*. Куда же идет Россия? М., 1994.

⁴⁶ Там же. С. 15.

⁴⁷ Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991; *Он же*. Горькая чаша: Большевизм и реформация России. Ярославль, 1994; *Он же*. По мощам и елей. М., 1995; *Он же*. Крестосев. М., 1999.

⁴⁸ Яковлев А.Н. Горькая чаша... С. 2.

⁴⁹ Там же. С. 4.

⁵⁰ Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб., 1996. С. 265.

Ответы на эти вопросы, хотя порой противоречивые, помогают прояснить проблему ленинизма-большевизма, причины установления и удержания государственной власти в России; выяснить историческое соответствие ленинской теории и практики строительства социализма.

Как бы подведением итогов историзма ленинской теории и практики строительства социализма в России, показом плодов исторических корней политики большевиков является двухтомная монография доктора юридических наук, профессора Юрия Исааковича Стецовского «История советских репрессий». В книге, основанной на критическом анализе рассекреченных документов и материалов практики карательных органов, «показаны масштабы, методы и корни репрессий. Рассматривается существо тоталитарного режима, его беспримерные жестокость, несвобода, подавление всякого инакомыслия, рабление народа страхом и ложью».

Ретроспектива самого широкого круга репрессий рассматривается с гражданских позиций правоведа-практика и ученого. Фундаментальный труд впервые представляет опыт юридической экспертизы «выстраданного страной с октября 1917 г. до распада СССР». Позицию автора характеризует идея приоритетности прав человека, профессионализм критики, заинтересованность в диалоге.

Материал книги, представленный в проблемно-тематическом изложении, предворен лишь кратким историческим экскурсом с обилием примеров из жизненной и судебно-следственной практики, со ссылками на различные издания юридического характера и материалы периодической печати.

С рядом выводов автора вполне можно согласиться:

«Большевики преуспели в искусстве расчеловечивания и организации беспамятства...»;

«...амнезия исторической памяти обесмысливает жизнь человека и общества»;

«Репрессии свойственны насильственной природе коммунистического режима...»;

«Придя к власти незаконным путем, большевики установили режим, несовместимый с правом и свободой»;

«Произвол и насилие с самого начала исходили из центра через лозунги и призывы, указания и декреты».

И главный вывод: «Прошлое и нынешнее попрание прав человека имеет общие корни, и знание того, что пережито народом, – шаг к очищению нравственной атмосферы общества, шаг к покаянию и восстановлению ценности и достоинства личности»⁵¹.

Вместе с тем остается лишь сожалеть, что автор не историк, ибо труд его мог быть значительно углублен и расширен.

Весьма убедительной является монография Е.Г. Гимпельсона, в которой освещены процессы формирования советских руководящих кадров центральных и местных органов в 1917–1920 гг. Автор рассмотрел методы выдвижения и расстановки большевистских руководителей, социальное происхождение, уровень образования, культуры, компетентности управления. Проанализировано влияние чрезвычайной обстановки в России на качественный состав партийно-советских управленцев, злоупотребление властью, чекистский произвол, чиновничий бюрократизм. В кадровой политике большевиков, как в зеркале, отразились ленинские принципы партийно-советского руководства⁵².

⁵¹ *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. М., 1997. С. 5, 6, 7.

⁵² *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998.

После публикации моей книги «Исторические корни политики большевиков» (М., 1998. 268 с.)⁵³, вызвавшей большой интерес, я получил ряд замечаний, сущность которых сводилась к следующим положениям:

- 1) показаны не все корни большевизма;
- 2) проблема изложена популярно;
- 3) обильное цитирование;
- 4) «уж очень все печально и ужасно».

Я благодарен оппонентам, однако не совсем с ними согласен:

во-первых, в книге рассматривается период 1893–1923 гг. и основные, по мнению автора, корни ленинизма-большевизма;

во-вторых, К. Маркс был прав, напутствуя коллег: «Минимум научности, максимум популярности»;

в-третьих, обильное цитирование четко показывает позиции цитируемого. Представлены и субъективные оценки автора по каждому затронутому в монографии вопросу;

в-четвертых, печальны и ужасны не корни большевизма, а его плоды. Ну а что касается «елея», так никто не запрещает лить его и ныне, был бы прок, теория которого не расходилась бы с практикой.

Главное же, интерес самой широкой общественности к вопросам ленинизма подвиг меня на развитие проблемы, которая у всех еще на уме.

Уверенность в необходимости продолжения исследования и углублении избранной темы придала книга профессора Высшей школы общественных наук, члена Французской академии Алена Безансона «Интеллектуальные истоки ленинизма», опубликованная в Калман-Левью в 1987 г., 304 с., и переизданная в Москве 11 лет спустя. В книге представлены корни ленинизма «от французских якобинцев, левых гегельянцев, Маркса, славянофилов, Герцена, Чернышевского – до Нечаева и Ткачева, народовольцев и марксистов, Кронштейна и Плеханова. Автор обращается и к той реальности, в которую ленинизм воплотился, – то есть к семидесятилетнему периоду нашей истории». По утверждению Алена Безансона: «В сети, сплетенной Лениным, все используемые элементы доведены до крайности. То, что было фантазией или мечтаниями, стремится воплотиться в действительность»⁵⁴.

Представленный вниманию россиян труд французского ученого вызывает не только «академический» интерес, но и ущемляет национальную гордость отечественных обществоведов, критически и свободно мыслящих патриотов.

Своевременной и своеобразной явилась монография Елены Анатольевны Котеленец «В.И. Ленин как предмет исторического исследования», в которой «обобщаются итоги новейших российских и зарубежных исследований одной из самых масштабных и сложнейших фигур уходящего XX века. Специально анализируются феномен «антিলенинианы», политическое окружение и родословная Ленина, становление его культа личности, взаимосвязь ленинизма и сталинизма».

Несомненно, что Ленин и его деятельность представляют «предмет исторического исследования», однако столь широкий спектр заявленных проблем снизил глубину столь важного в научном изучении и практическом применении вопроса. Так, проблема «антিলенинизма», которую невозможно отрицать, преподнесена однобоко, без анализа трудов наиболее ярких критиков ленинизма, а термин «политическое окружение» Ленина не представлен четким определением автора. Не отрицая негативной политики Сталина, автор пытается отстоять «чистоту» замыслов и действий Ленина. Так, требования Ленина «непременно повесить» пензенских крестьян, прятавших хлеб от реквизиции его большевиками, оправ-

⁵³ Поцелуев В.А. Исторические корни политики большевиков. М., 1998.

⁵⁴ Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.

дываются тем, что советская власть и Красная армия страдали от голода. Не согласна Елена Анатольевна и с тем, что «участь насмешек сопровождает ленинскую «кухарку», которой надо было научиться «управлять государством». «Сегодня же все более очевидно», по ее утверждению, «что без развитой способности к самоуправлению и контролю над «верхами» современное общество становится плутократическим источником всеобщей опасности». Пора бы смириться с тем, что «кухарка» не может «управлять государством», ибо как только она пытается это делать, то «горят котлеты», а деньги «утекают» за границу. «Странная судьба и у лозунга «учиться коммунизму», считает Котеленец и вновь находит объяснение, ибо «указание Ленина на необходимость овладения всем культурным богатством прошлого – это вовсе не специфически коммунистический, а естественный общечеловеческий лозунг, подсказанный скорее не Марксом, а системой классического образования». Очень печально то, что преподаватель кафедры истории России Университета дружбы народов ассоциирует ленинский лозунг «учиться коммунизму» с «системой классического образования»⁵⁵.

Представленная работа по новейшей историографии, несмотря на ее тенденциозность, является несомненным вкладом в изучение ленинизма, а к позиции Е.А. Котеленец необходимо относиться с пониманием.

«Интерес к биографии и общественно-политической деятельности» Ленина подвиг Акима Арутюнова обобщить результаты своих предыдущих исследований в книге «Досье Ленина без ретуши». «Особое место уделено немецко-большевистским тайным связям накануне и в период Первой мировой войны, а также в годы советской власти». Автор привлек огромное количество документальных источников, ввел в научный оборот не использованные ранее архивные материалы, проделал критический анализ, пришел к аргументированно-убедительным выводам⁵⁶.

По мнению доктора медицинских наук Дмитрия Васильевича Колесова, «ленинизм – это весьма новаторская и творческая идея захвата и удержания власти, неразрывно связанная с практикой. За пределами этого в учении и деятельности Ленина почти ничего и нет». Оригинально, но в чем же новаторство и творчество Ленина в столь важном вопросе, которому посвятили жизни тысячи вождей, автор книги «В.И. Ленин: Учение и деятельность» раскрывает в анализе психологии общественных отношений и медицинском аспекте «роли личности в истории»⁵⁷.

Необычно, «впервые подходит с врачебным инструментарием к исследованию не медицинской проблематики, а комплекса исторических и общественных явлений», связанных с психологией личности большевистско-советских вождей, психоневрологии и психотерапии, рассматривает проблему рождения и распада СССР, в основе которого лежала теория и практика ленинизма, доктор медицины, профессор Ефим Салганик⁵⁸.

Весьма своеобразной и интересной является книга «Ленин без грима», который, по глубокому убеждению профессионального журналиста Льва Ефимовича Колодного, «толстым слоем нанесли на его лицо родственники, биографы и писатели, создавшие невиданный в истории культ Ленина»⁵⁹.

Подводя итог историографического обзора, содержания литературы, автор пришел к следующим выводам.

⁵⁵ Котеленец Е.А. Ленин как предмет исторического исследования. М., 1999. С. 2, 121, 129.

⁵⁶ Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. М., 1999.

⁵⁷ Колесов Д.В. В.И. Ленин: Учение и деятельность. М., 2000.

⁵⁸ Салганик Е.Л. Выродок истории. Психологический анализ рождения и распада советской империи. М., 2000.

⁵⁹ Колодный Л.Е. Ленин без грима. М., 2000.

Историографию можно разделить на три группы: а) ортодоксально-традиционная, б) реставраторско-подновленная, в) перестроечно-новаторская.

Во всем корпусе проанализированной монографической базы отсутствует ясность основополагающей проблемы – историко-критический и сравнительно-сопоставительный анализ ленинской революционной теории и практики социалистического строительства в России, т. е. истории формирования и раскрытия сущности ленинизма.

О времени и о себе

Интересным и ценным, но очень сложным историческим источником являются воспоминания людей о себе, своем окружении и времени, которое как бы остановилось для авторов, хотя его стремительный бег неумолим. При желании автора разобраться в прошедшем спокойно и объективно неизменно создается эмоциональный фон мемуаров, что представляет исторический материал во многом субъективным. Субъективность усиливается естественным желанием вспомнить хорошее, в последний раз доказать свою правоту, внушить читателю свои взгляды на истину происшедшего, показать искренность и благородство своих помыслов, критически оценить действия оппонентов.

Трудно объективно анализировать личность лидера при его жизни. Те, кто рядом с ним, зачастую обворожены им или льстят ему, другие – боятся его немилости и мести. Те же, кто вне досягаемости кары руководителя, в своих суждениях необоснованно критичны.

Основополагающими вопросами научного анализа мемуарной литературы являются личность мемуариста, его жизненный путь, мировоззрение, а также время и место написания воспоминаний. Это позволяет определить, хотя и отчасти, компетентность в излагаемых событиях, ценность источника, концепцию автора. Особое внимание обращается на исторические источники, использованные в воспоминаниях. Сопоставительный анализ воспоминаний проводится с документальными материалами, сведениями других мемуаристов, сообщениями средств массовой информации. Сравнительный анализ проводится по всем аспектам приведенных в воспоминаниях фактов, ибо человеческая память и духовная эмоциональность не могут служить критерием исторической истины. Вместе с тем ни один вид исторического источника не дает такого ярчайшего колорита описываемых личностей и событий, как мемуары.

Мемуарную литературу, отразившую деятельность руководителей большевистской партии и Советского государства, воплотивших в себе и проводящих на деле принципы ленинизма, можно сгруппировать в четыре блока: 1) сам о себе; 2) о нем – родные и близкие; 3) соратники и сослуживцы; 4) оппоненты и очевидцы.

Ленин мемуаров не писал. Он оставил большое теоретическое наследие, хотя во многом и противоречивое, но достаточно четко характеризующее его личность и жизнедеятельность. О нем же написаны буквально горы воспоминаний, в основном мажорно-хвалебные. А такие характеристики вождя, как «Ленин и теперь живет всех живых... Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить... Мы делу Ленина и Сталина верны...» и аналогичные, появились при Сталине, который, продолжая дело «великого Ленина», сам становился «величайшим», да и «беззаветная преданность ленинизму» всех последующих партийно-советских руководителей, способствовали возвеличиванию вождя.

Обожествлению В.И. Ленина способствовали его соратники и преемники, проповедующие и проводящие в жизнь его идеи. Воспоминания об основателе большевизма, первом советском вожде в СССР проходили строгую цензуру, унифицировались и лишались даже намек на критику его жизнедеятельности.

В последние годы из-за рубежа стали «приходить» иные воспоминания о Ленине, из которых мы узнаем «земного человека», безжалостного борца, профессионального революционера, а также на какие деньги жила семья В.И. Ульянова, кто финансировал большевиков, почему идею о диктатуре пролетариата Ленин считал главной в революции и социалистическом строительстве, как он оказался в изоляции в подмосковных Горках и другие удивительные факты.

Весьма ценны воспоминания о Ленине отечественных и зарубежных писателей. Их личное восприятие главы Советской России житейски анализировалось и сравнивалось с

существовавшей действительностью. В их представлениях Ленин был гением и злодеем, кремлевским мечтателем и авантюристом. В основном не зависимые от советского вождя и диктатуры партии суждения писателей правдивы и эмоционально человечны.

Критичные воспоминания и исследования, раскрывающие исторические корни политики и реальные деяния большевиков, руководимых В.И. Лениным, частично еще покоятся в архивах, бывших спецхранах, но постепенно появляются из печати⁶⁰. Наибольшую ценность представляют мемуары как соратников Ленина – Г. Зиновьева, Л. Каменева, Л. Троцкого, так и его политических оппонентов – Ю. Мартова, В. Чернова, А. Керенского, а также простых обывателей, обеспокоенных судьбой Отечества.

Весьма показательными воспоминаниями, а точнее, высказываниями о вожде являются выступления, статьи и приветствия соратников Ленина в честь его 50-летия. 25 апреля 1920 г. «Правда» сообщала своим читателям, что из-за недостатка места в газете она приводит лишь перечень многочисленных приветствий. Большая часть материалов была опубликована в различных сборниках, а некоторые были преданы более чем полувековому забвению, увидев свет лишь в 1990 г. в сборнике под символическим названием «Недорисованный портрет...»⁶¹. Он состоит из трех разделов. В первый вошла стенограмма «Коммунистического вечера, посвященного 50-летию со дня рождения В.И. Ленина, в МК РКП(б)». Второй объединил статьи, опубликованные в газетах «Правда», «Известия» и «Коммунистический труд». Третий содержит небольшую часть приветствий, телеграмм, резолюций, направленных в адрес Ленина.

Среди поздравлявших почти все партийно-государственные руководители Советской России, среди которых и будущие «враги народа» Зиновьев, Радек, Бухарин, Троцкий и др., не высказавшие и нотки сомнения в гениальности своего вождя. Но даже восхваление Ленина из их уст было строжайшей тайной для потомков.

Необходимо подробно остановиться на анализе воспоминаний о Ленине и формировании его революционного мировоззрения одного из ленинских соратников с 1894 г., разошедшегося с ним по идейным соображениям. Один из лидеров меньшевиков, истинный демократ, особое внимание уделявший развитию легальных форм рабочего движения, Александр Николаевич Потресов написал воспоминания в 1927 г., уже будучи изгнанным из Советской России в 1925 г., и в 1934 г. 65-летним скончался за границей. Воспоминания были опубликованы в посмертном сборнике его сочинений, вышедшем в Париже в 1937 г. и лишь спустя 56 лет в России.

⁶⁰ Андреев Л. Верните Россию. М., 1994; Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Он же. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1991; Горький А.М. Несвоевременные мысли. М., 1993; Дан Ф.К. Истории последних дней Временного правительства. Летопись революции. Т. 2., Берлин, 1923; Ерманский О.А. Из пережитого 1887–1921. М.—Л., 1927; Зиновьев Г.Е. Ленин. М., 1924; Каменев Л.Б. Великий мятежник. Харьков, 1925; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1991; Короленко В.Г. Падение царской власти / Речь простым людям о событиях в России. Самара, 1917; Куприн А.И. См. Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 14; Лацис М. (Судрабс). ЦК в борьбе с контрреволюцией. М., 1921; Локкарт Р. Буря над Россией. Рига, 1932; Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1924; Мартов Ю.С. Записки социал-демократа. Берлин, 1922; Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1919). 2 т. Нью-Йорк, 1955; Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991; Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958; Преображенский Е.А. В.И. Ленин (социологический набросок). М., 1924; Раскольников Ф. На флотах боевая тревога. М., 1957; Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958; Станкевич В.Б. Воспоминания. Февральская революция. М.—Л., 1926; Суханов Н.Н. Записки революционера. Кн. 1–2. М., 1993; Троцкий Л.Д. Ленин. Материалы для библиографии. М., 1924; Он же. Портреты революционеров. М., 1991; Он же. История русской революции. В 2-х т., М., 1997; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, т. 1–2; Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934; Он же. Конструктивный социализм. М., 1997; Шингарев А. Как это было. М., 1918; Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1–2. М., 1993 (1927); Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990; Он же. Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России. СПб., 1992.

⁶¹ Недорисованный портрет: 1920 год. 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях (материалы публикуются впервые после 1924 года): Сборник / Сост. К.И. Буков и др. М., 1990. С. 112.

«Ленин, – вспоминал А.Н. Потресов, – вскользь чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова-Бельтова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшей в декабре 1894 г. – *В.П.*), с тем большей энергией, со свойственной ему ударностью направил свою критику против Струве».

Книга П. Струве «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России», вышедшая в середине 1894 г., была раскритикована Лениным за уклон автора к буржуазному реформизму. «Но чем ярче, убедительнее выявлял он реформизм своего противника, – свидетельствовал Потресов, – тем ярче выступал вместе с тем и его собственный уклон – уклон в противоположную сторону».

Сквозь марксистскую терминологию просовывалась та тенденциозная концепция развивающегося капиталистического общества в виде сплошной реакционной массы, которая была характерной основой для всех революционно-утопических течений.

«И тогда же в разговоре о нем, – вспоминал Потресов, – произнесено было слово «сектант». Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную марксистскую выучку! Сектант-марксист!»

«...мы все ценим Ленина, – вспоминал Потресов, – не только за его знания, ум, работоспособность, но и за его исключительную преданность делу, всегдашнюю готовность отдаться ему целиком, нагружая себя сверх меры самыми неблагодарными функциями и неизменно добросовестно их выполняя». И все же, по утверждению Потресова, «его исходное сектантство, так неприятно поразившее меня уже при первом моем с ним знакомстве, вопреки всем ожиданиям не только не исчезло ко времени нашей совместной работы в «Искре», а, наоборот, сделало дальнейшие шаги и предстало перед нами, его коллегами по редакции, в форме гораздо более конкретной, чем прежде, для нас как нельзя более тягостной».

«Ленин, – убеждался Потресов, – знал лишь две категории людей и явлений: свои и чужие. Свои, так или иначе входившие в сферу его организации, и чужие, в эту сферу не входившие и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги».

Характеризуя своих соратников, Потресов подчеркивал: «...Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия – это он, что он – концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал».

Вот откуда в Ленине эгоизм революционера-большевика и безжалостное отношение к политическим оппонентам – врагам партии, «врагам народа». От ленинских идей партийно-житейской мудрости, упавших на благодатную почву царизма, проходил «тот отбор человеческого материала, который под фериулой Ленина собрал так много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, в придачу к этим добрым качествам и недоброй моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом. И в этой именно школе аморализма воспитывался ныне всесветно известный тип «большевика».

Вместе с тем Потресов сочувствовал коллеге, уверенно заявив: «...Болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебывать эту кашу, заваренную им. Заваренную им не по Марксу, а именно во славу того аморализма, который представлялся ему таким практически целесообразным и который оказался в конце концов, несмотря на временные головокружительные успехи, таким непрактичным и страшным по своим послед-

ствиям». И далее подвел итог: «...История пережила все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России...»⁶²

Так пророчески для потомков и с ясной убежденностью для самого себя писал бывший соратник Ленина Александр Николаевич Потресов накануне «великого перелома» Сталина – продолжателя дела Ленина.

Анализ многих воспоминаний о Ленине приводится в основном по тексту книги по мере их фактологического использования.

Уникальным и более точным историческим источником, органически связанным с мемуарами, являются письма, записки и т. п. Эпистолярное наследие, которое, перефразируя образную и точную поговорку «Что написано пером, не вырубишь топором», написано рукой человека, и отказаться от него или сослаться на беспамятство просто невозможно. Письма показывают неформальные аспекты «большой политики», личные отношения большевистских руководителей, их пристрастия, логику действий, формы и методы партийно-государственного управления.

При анализе эпистолярного наследия была выявлена его четкая группировка: во-первых, это личные письма к родным и близким; во-вторых, письма, записки служебного характера; в-третьих, все то, что писал народ своим руководителям.

Эпистолярный источник как литература, да и источниковый корпус в целом, имеет особенности в его использовании: а) широкодоступность, после тщательного цензорского отбора; б) ограниченность, связанная с началом публикации различных сборников писем, содержание которых подозревалося или просматривалось из других источников; в) недоступность ввиду того, что многое не приведено в порядок, необходимый для печати, не разобрано и не отсортировано, да и беспричинно еще закрыто. Пример – письма трудящихся М.И. Калинину и другим руководителям советских органов власти.

Традиционно в соответствии с цензорным отбором эпистолярное наследие опубликовано в собраниях сочинений партийно-государственных деятелей, в мемуарах, документальных сборниках. Письма Ленина к родным похожи на отчеты за одолженные у матери деньги. Короткие записки, любимая манера общения, со слов самого Ленина, очень конкретны, точно военные команды, приказы, требования «доложить об исполнении». Более душевный А.В. Луначарский не скрывает в письмах к жене сомнений в успехе революционных дел и подробно делится планами своих партийных товарищей.

С обоснованной критикой существующего режима большевиков выступал русский писатель В.Г. Короленко в доверительных письмах к наркому просвещения А.В. Луначарскому.

Опубликованное ранее эпистолярное наследие большевиков и их окружения проникнуто пафосом идейной искренности, уверенности в правоте своих деяний, ненависти к классовым врагам. Вышедшее из печати в период гласности, ранее скрытое в архивных спецхранах, цинично и вульгарно по представляемой внешне «чистоте» революционного дела.

Особенно показательны богатые и разнообразные по содержанию, подобранные тематически сборники переписки большевистского руководства в период 1912–1927 гг., а также «Письма во власть 1917–1927 гг.», где подобраны заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям⁶³.

Недоумение, боль и тревога народа, наблюдающего за явным расхождением слов и дел своих вождей, постепенно перерастают в изменение сознания наиболее мыслящих людей,

⁶² Потресов А.Н. Ленин. «Источник». 1993. № 4. С. 21–27.

⁶³ Короленко В.Г. Письма к Луначарскому. Париж, 1922. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. М., 1998. Письма во власть 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1996.

которые по мере своего прозрения погибают за критику или все более и более замыкаются, уходя в себя.

В сборнике «Голос народа» представлены письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг., в которых прослеживается ясное сознание ужаса от сотворенного большевиками государственного переворота, понимание причин Гражданской войны и невозможности достижения обещаемого «светлого будущего»⁶⁴.

Переписка большевистского руководства за 1912–1927 гг. раскрывает уровень отношений между лидерами партии. Особенно заметно возвышение в годы Гражданской войны Сталина и Троцкого, о чем свидетельствует полушутливое письмо Г.Л. Пятакова 13 октября 1919 г. «Его Высокопревосходительству Члену РВС Юж т. И. Джугашвили-Сталину. Осмеливаюсь всепокорнейше, почтительнейше и настоятельнейше просить Вас отдать нам Серго (Орджоникидзе. – *В.П.*). Пара дней совместной работы еще больше утвердили меня во мнении, что Серго должен быть в 13-й армии». В конце записки фамильярная подпись – «Егорка Пятаков». И другое доверительное письмо А.М. Назаретяна – руководителя Бюро Секретариата ЦК РКП(б) – в августе 1922 г. Г.К. Орджоникидзе, в котором он сообщает о значительных изменениях в деятельности руководящих партийных инстанций при Сталине, которые «ходят под Сталиным». Представлена и характеристика Сталина: «Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот ЦК РКП(б)». О Ленине Назаретян известит Орджоникидзе в конце ноября 1922 г.: «Старик жив, здоров, иногда немного прихварывает». Знали ли истинное состояние здоровья вождя Назаретян или скрывал его, остается тайной, хотя по описанию интенсивной деятельности Сталина ясно, что Ленин отходит от дел.

Материал сборника, состоящий из определенной значимости каждого письма, «не претендует на то, чтобы осветить все вопросы деятельности советских вождей и борьбы в руководстве партии...». В научный оборот впервые вводятся материалы из фондов В.И. Ленина (Ф. 2) и его Секретариата (Ф. 5), Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76), М.И. Калинина (Ф. 78), В.В. Куйбышева (Ф. 79), С.М. Кирова (Ф. 80), Г.К. Орджоникидзе (Ф. 85), коллекции документов И.В. Сталина (Ф. 558) и других Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Все документы датированы и расположены в хронологическом порядке, без выделения различных видов корреспонденции (письма, записки и т. п.) за исключением телеграмм и разговоров по прямому проводу. Документы снабжены пояснительными замечаниями. В конце сборника представлено: указатель имен; список сокращений; избранная библиография: 1) публикации переписки руководителей РКП(б) – ВКП(б), 2) биографии и материалы к биографиям руководителей партии большевиков, что значительно облегчает и активизирует анализ имеющихся документов.

⁶⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 110.

Идеи и директивы

Наиболее широкодоступными историческими источниками являлись и продолжают оставаться поныне тщательно отфильтрованные труды классиков теории социалистической революции – К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина⁶⁵, проповедников марксистско-ленинской идеологии и непосредственных руководителей социалистического строительства в Советской России⁶⁶. Вместе с тем труды многих соратников Ленина, ранее широко публикуемые, были изъяты из обращения⁶⁷ как наносившие вред чистоте советской идеологии по указанию продолжателя марксизма-ленинизма И.В. Сталина. Труды классиков марксизма-ленинизма и их последователей служили не только методологической основой всех научных исследований, но и практическим руководством всей общественной жизни огромного государства и перспективой строительства «светлого будущего».

Теоретические труды партийно-советских руководителей, представленные в тематических сборниках по различным направлениям государственного развития, ясно и четко показывают процесс формирования мировоззрения личности, трансформирующийся в государственную идеологию, зарождения и развития политики большевиков, претворения ленинской теории революционной борьбы и социалистического строительства в жизненную практику⁶⁸.

В конце 50-х – начале 70-х гг. по решению ЦК КПСС вышло Полное собрание сочинений В.И. Ленина в пятидесяти пяти томах, включая «как законченные работы, так и подготовительные материалы, письма, записки и т. д.»⁷⁰, которое фактически не является исчерпывающим. Хотя, по мнению официоза тех лет, «издание Полного собрания сочинений В.И. Ленина является выдающимся явлением в идейно-политической жизни Коммунистической партии, всего советского народа и международного коммунистического и рабочего движения»⁶⁹. В пятое издание вошло около 9000 работ Ленина, из которых «более половины были включены впервые». Советский период освещают работы, включенные в том с 34-го по 45-й, и переписка того же периода – с 50-го по 54-й том, 55-й том содержит письма к родным. Всего опубликовано около 4500 писем, записок, телеграмм, распоряжений, поручений и т. д., из которых около 3000 вошли в собрание сочинений впервые. Наряду с законченными работами опубликованы подготовительные материалы: планы, наброски статей, речей, брошюр, поправки к документам, различного рода заметки, конспекты и пометки на принадлежащих Ленину книгах и т. п.

В каждом томе имеется научно-справочный аппарат. В него входят: предисловия, в которых раскрывается идейное содержание произведений Ленина, вошедших в том; особенности исторической обстановки, время написания работ; списки работ Ленина, не разысканных донныне, с указанием источника сведений; списки работ, изданий и документов, которые, возможно, принадлежали Ленину или редактировались им; примечания, состоящие из

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 46 томах. М., 1955–1973; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. В 55 томах. М., 1956–1966; Ленинские сборники. Кн. 1–40. М., 1924–1985.

⁶⁶ Свердлов Я.М. Избранные статьи и речи. М., 1944; Калинин М.И. Избранные произведения. В 4 томах. М., 1960; Сталин И.В. Сочинения. В 14 томах. М., 1953–1954.

⁶⁷ Троцкий Л.Д. Сочинения. М.—Л., 1924–1927; Каменев Л.Б. Великий мятежник. О В.И. Ленине. Харьков. 1925; Бухарин Н.Н. Избранные произведения. М., 1988; Он же. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989; Зиновьев Г.Е. Сочинения. 1–8, 15–16 тома. М., 1923–1929; Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990; Томский М.П. Избранные статьи и речи. М., 1928; Стучка П. Государство и революция. М., 1922.

⁶⁸ Берзин И.Б. Вопросы истории Великого Октября в сочинениях В.И. Ленина. М., 1987; Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989; Каменев Л.Б. Диктатура пролетариата. Тифлис, 1921; Каменев Л.Б. Партия и троцкизм. Уроки партийной истории. М., 1924; Каменев Л.Б. 8 лет Октябрьской революции. М.—Л., 1925.

⁶⁹ См. Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1967. С. 17–18.

фактических справок и пояснений; указатели литературных работ и источников, использованных автором; перечень имен и хронологических дат жизни и деятельности Ленина и его окружения.

К Полному собранию сочинений Ленина вышли две части справочного тома. Первый том включает предметный указатель, рубрики которого расположены по темам в алфавитном порядке. Во вторую часть справочного тома вошли 11 указателей: алфавитный указатель произведений, вошедших в ПСС; указатель псевдонимов В. Ульянова (Ленина); указатель упоминаемых в ПСС работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина; указатель имен, периодических изданий, географических названий, произведений художественной литературы и критики, пословиц и поговорок, революционных и народных песен, указатель слов и выражений, приведенных Лениным на латинском языке, и указатель иллюстраций.

Предметный указатель позволяет достаточно быстро и полно найти необходимые высказывания (цитаты) из произведений Ленина⁷⁰. Издание пяти собраний сочинений ленинских трудов как бы дополняет 40 томов ленинских сборников, вышедших с 1924 года. Вместе с тем в бывшем Центральном партийном архиве находятся 3724 ленинских произведения и около трех тысяч документов, которые еще не опубликованы. Что же так долго и тщательно нужно скрывать, даже вопреки инструкции по хранению архивных документов? Так можно прятать лишь истину, которая подрывает основы лжи.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) выпустили сборник неопубликованных документов Ленина. Тексты сопровождается справочный материал, уточняющий сведения об авторе, событиях и обстоятельствах неизвестности 420 документов 1891–1922 гг.⁷¹

Весьма ценными историческими источниками являются тематические сборники произведений и извлечений из ленинских работ, документы Коммунистической партии, посвященные различным вопросам революционной теории и практики государственной власти, руководства социалистическим строительством. Особого внимания заслуживает сборник «В.И. Ленин. Об авторитете руководителя». Основатель Коммунистической партии России, руководитель первого советского правительства – Совета Народных Комиссаров – особенно ошутимо представлял на собственном опыте роль личности в истории. Ленин придавал большое значение идеям и действиям руководителя. В то же время он настаивал на беспрекословном, железном подчинении вождю, в данном случае себе, хотя и ссылался на «коллективные» решения ЦК или СНК, явно завышая их функции в руководстве советским государством. Ленин постоянно настаивал на предельной требовательности к партии, ее членам и политическим лидерам, считая, что «отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике». Не вдаваясь в анализ «правильной политики» большевиков, ясно одно – «кредит от народа» они получили, и отрабатывать его нужно было пунктуальным выполнением своих обещаний. Однако не все обещания были выполнимы. Это привело к никчемности политического руководства большевиков, а посему необходимо было найти «причины», мешающие большевикам строить всеобщий рай для народа. И здесь благодатной почвой, бурно забиваемой сорняком, явилось персонифицированное бичевание или возвеличивание, то есть традиционная политика диктатора для подданных – «кнут и пряник», что фактически затмевало несостоятельность руководства вождя и его свиты⁷².

⁷⁰ См. Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В.И. Ленина. М., 1966; Справочный том к Полному собранию сочинений, ч. 1. М., 1969; ч. 2. М., 1970.

⁷¹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

⁷² Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989. 288 с.; «Ленин о партии»; «Ленин о Советах депутатов трудящихся»; «Ленин о морали»; «Ленин о власти»; «Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1972. С. 679.

Ленин предупреждал партийно-советских руководителей о зазнайстве: «Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаваться». Он подчеркивал, что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ». Это действительно верно, ибо уже было проверено временем. Вместе с тем Ленин не выводит природу зазнайства и бюрократии, наивно утверждая: «От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». А как только на место бюрократа ставился партийный вожак из рабочих или крестьян, он вновь превращался в зазнайку, бюрократа для народа и подхалима для начальника, ибо это хоть как-то, на какое-то время удерживало в кресле политически неграмотного и профессионально не подготовленного выдвинутого руководителя.

Ленин понимал, что может «какой-то жалкий кустарь». Вместе с тем, бичуя «политкустаря», он не дает ответа о его живучести и должностной необходимости бюрократа. Хотя и здесь ясно, кто «козел отпущения». Ленин со свойственной ему настойчивостью говорит об авторитете партии, партийца, личности руководителя, считая, что «выработка хороших, надежных, испытанных, авторитетных «вождей» дело особенно трудное», но необходимое и главное.

На наш взгляд, выработка... «вождей» действительно «дело особенно трудное», и все же вождь должен расти на базе профессиональных (производственных и политических) знаний, ибо не только нужно призывать, но и показывать, как призывы претворяются на практике.

Третью группу источников составляют письма, телеграммы, записки к своим родным, близким, соратникам и оппонентам, в которых коротко и ясно выражено мнение Ленина по различным аспектам личной жизни и текущей политики и практики социалистического строительства. Эти источники отражают личность человека и партийно-государственного руководителя, сущность ленинизма.

Произведения Ленина раскрывают не только широкий кругозор его жизненных интересов, его многоликость, но и дилетантские, а порой и противоречивые суждения по ключевым вопросам революционной теории и практики строительства социализма. Хотя профессиональную некомпетентность и противоречивость взглядов вождя его соратники и почитатели пытались выдавать за еще не познанный ленинский гений величайшего мыслителя – «мудрый и прозорливый», «пророческий» и «непревзойденный». В 1925 г. соратник Ильича Григорий Зиновьев дает теоретико-практическое «введение в изучение ленинизма». А дальше все пошло-поехало как по маслу, в прямом и переносном смысле. За углубление, исследование, разъяснение, популяризацию и даже «исповедование» и «веру» в ленинизм полагались материальные льготы, на благодатной почве которых выросли мощная паразитирующая номенклатура и огромная научная армия обществоведов. И беда не в том, что они толковали ленинизм, а в том, что продолжают «отстаивать» явно утопическое и вредное, тем самым показывая свою «ученую» ограниченность и более того...

До сих пор находятся рьяные толкователи ленинизма, пытающиеся доказать «истинный» смысл высказываний вождя. Так, доктор философских наук В.В. Трушков опубликовал ряд книг и публицистических статей, «которые представляют собой попытку прочтения работ В.И. Ленина глазами участника перестройки...»⁷³. В очередной раз толкуются ленинские идеи как непререкаемая истина на все времена и для всех народов. Интересно, хотя и не очень, толкование его идей глазами его последователей. В устах таких людей Ленин выглядит гением, но определяет сущность ленинизма сама жизнь.

Оценивая значение исторических примеров и фактов, которые, «если взять их в их целом, в их связи, – по определению Ленина, – не только «упрямая», но и, безусловно, дока-

⁷³ См.: Трушков В.В. Читая Ленина сегодня. М., 1988, 142 с. Ленин, о котором спорят сегодня / А.С. Абрамов и др. М., 1991.

зательная вещь», можно согласиться с Лениным, хотя и почти невозможно «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения», да и не нужно доказывать уже доказанное. И все же истина яснее не только при совокупности фактов, а при сравнении различного и противоречивого фактического материала.

Наряду с официально изданными миллионными тиражами и на многих языках трудами ленинских последователей – руководителей советского общества, есть их идейные творения, которые являются самой большой тайной, хотя и касаются судеб и жизней миллионов людей. До настоящего времени нет полных собраний сочинений никого из партийно-государственных руководителей Советской России. Многие высказывания просто утрачены, а некоторые сознательно упрятаны от потомков, дабы не дискредитировать ни власть, ни личность, ее представляющую⁷⁴.

Широко известные и общедоступные документы, изданные под идеологическим партийным руководством и неусыпным оком политической цензуры, подобраны тенденциозно, купированы, представлены не в полном объеме. Так, в опубликованных протоколах ЦК и Политбюро РСДРП(б) – РКП(б) отсутствуют документы, характеризующие наиболее острые периоды формирования политики большевиков: июль и октябрь 1917 г., май – сентябрь 1918 г. Не сохранился или еще не найден ряд документов оперативного характера, раскрывающих механизм принятия важнейших, судьбоносных решений. Протокольные записи скудно отражают важнейшую информацию. Столь существенные пробелы партийного делопроизводства вполне объяснимы постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 8 ноября 1919 г., в котором указывалось: «...в) излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче; г) решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а т. Крестинскому отмечать их себе для памяти и личного исполнения».

Таким образом, руководящий орган большевистской партии не только нарушал программно-уставные положения об информированности членов партии о решениях Политбюро ЦК, но и скрывал антинародные решения правящей партийно-государственной элиты.

Наряду с протоколами Политбюро ЦК ценным источником являлись стенограммы заседаний ЦК и партийных съездов, даже несмотря на явную их редактуру, они дают большой фактологический материал, хотя и определено классово направленной⁷⁵.

Существенным дополнением раскрытия реальной обстановки принятия руководящих партийных решений стали документы ВЦИК и Всероссийских съездов Советов, декреты Советской власти и Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР), программы российских политических партий, документы Всероссийской Чрезвычайной Комиссии РСФСР⁷⁶ и другие тематические сборники документов.

Резким диссонансом документам большевистско-советского руководства звучат решения, постановления, резолюции и т. п. документы их политических оппонентов – меньшевиков и эсеров⁷⁷.

⁷⁴ На 1 января 1990 года только произведения В.И. Ленина были изданы в СССР тиражом более 653 млн экземпляров на 125 языках (*Волгонов Д. Ленин...* Кн. 1. С. 11).

⁷⁵ Протокол Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными организациями (январь – март 1919 г.). Сборник документов. Т. 1–6. М., 1971; КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1983.

⁷⁶ Протоколы заседаний ВЦИК рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов II созыва. М., 1918; V созыв, М., 1918 и др.; Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1966; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1967; Рябинский К. Революция 1917. Хроника событий. М.—Л. 1926; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1–12. Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1924 гг.; Из истории ВЦИК 1917–1921. Сборник документов. М., 1958; Красная книга ВЦИК. М., 1989.

⁷⁷ Меньшевики. Документы и материалы. М., 1986; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995; Партия

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу архивных материалов, необходимо отметить большой корпус исторических источников, опубликованных в различных изданиях. Наиболее ценными являются многотомные систематические и тематические издания. К сожалению, документы, включенные в них в доперестроечный период, прошли специальный цензорный отбор и отражают лишь гуманные методы партийного руководства социалистическим строительством, положительные стороны деятельности государственных руководителей. В последние годы увидели свет и негативные документы, хотя основная их масса находится еще в различных архивах.

Библиографической редкостью стала книга «Тайные страницы истории», в которую включены документы и материалы русского историка меньшевика Б.И. Николаевского, хранящиеся в Гуверовском фонде (Стэнфорд, США). Архив представляет историю «Большевистского центра», «Ленин и большевистские деньги», «Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны».

Фактологические пробелы ранее опубликованных документов существенно дополняют хранящиеся в спецхранах документы, как правило, с грифом «секретно», «совершенно секретно» и «особой важности», частично уже опубликованные как отдельными изданиями, так и в периодической печати⁷⁸. Документы, характеризующие ленинизм – исторические корни политики большевиков, деятельность партийно-государственной персоны, откладывались не только и не столько в архивах руководимого ею ведомства, сколько в архивах партийных органов, так как все, что касалось властных структур, находилось в первоочередном внимании правящей партии, да и все номенклатурные работники, будучи членами РСДРП(б) – РКП(б), подчинялись ее Уставу и выполняли ее Программу.

Основным сосредоточением партийных документов является Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), бывший Партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС, в котором отложились дела до 1952 г. Особую ценность в контексте представленного исследования представляют материалы, выявленные в фондах Ленина (Ф. 2, оп. 1, 2), о его деятельности (Ф. 4, оп. 1), его Секретариата (Ф. 5, оп. 2), ЦК РСДРП(б) – РКП(б) (Ф. 17, оп. 2, 3, 4, 65, 66), фондов СНК, СТО и Малого Совнаркома (Ф. 19, оп. 1–3), личных фондов М.И. Калинина (Ф. 78), Я.М. Свердлова (Ф. 86), А.В. Луначарского (Ф. 142); Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996; Архив Кремля. В 2 книгах. М., 1997; Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века. М., 1997; Октябрьский переворот. Факты и документы / Сост. Попов А. Под ред. и со вступительной статьей «Ход революции» Н. Рожкова. Пг., 1918; Л.Б. Каменева (Розенфельда) (Ф. 323), Л. Мартова (Ю.О. Цедербаум) (Ф. 362), А. Парвуса (А.И. Гельфанд) (Ф. 299). Персональные фонды снабжены описями материалов, сгруппированных в тематические разделы, раскрывающие революционную и партийно-государственную деятельность (дела полиции, газеты, статьи, рукописи, книги, письма жены, детей, соратников и т. п.). Документы расположены в них хронологически.

социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 1996.

⁷⁸ Сборник программ политических партий 1917–1957. Клайпеда, 1989; *Троцкий Л.Д.* Тайна сталинских фальсификаций. М., 1990; Архив русской революции. Т. 1–10. М., 1991–1993; История Отечества в документах. 1917–1993. Части 1–4. М., 1994–1995; Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1–4. М., 1992–1994; История Отечества. XX век: Документы. Материалы. Комментарии. В 3 кн. Пермь, 1993; Был ли Ленин немецким агентом? Документы. СПб., 1994; Политическая история России. Хрестоматия. / Сост. Коваленко А.Ф. и др. (1914–1945); (1946–1995). М., 1995–1996; Хрестоматия по истории России первой половины XX века. / Сост. Хромов И.С. М., 1995; Хрестоматия по истории России. 1917–1940./; ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. / Ред. – сост. Фельштинский Ю.М., 1993; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995; Русская православная церковь и коммунистическое государство. / Отв. ред. Шапов Я.Н. Отв. сост. Васильева О.Ю. М., 1996; *Ю.К. Бегунов.* Тайные силы в истории России. Сб. статей и документов. СПб., 1996; Известия ЦК КПСС. 1919–1989; Источник и др. Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века. М., 1997.

Весьма информативным историческим источником, раскрывающим создание культа личности Ленина, являются обстоятельные, но во многом идеализированные «Материалы для библиографии Ленина. 1917–1923» (сост. Л.В. Булгакова. Л., 1924), а также библиографические выпуски «Ленинианы», издававшиеся в 1926–1930 гг. Институтом Ленина. Фактологическим является «Бюллетень Института В.И. Ленина при ЦК РКП(б)», выходивший с 1923 г., журнал «Известия ЦК КПСС» 1919–1989 гг.

Строжайшая секретность партийных тайн сказалась на разорванности архивных материалов, однако особых трудностей исследователь по общим проблемам ленинизма-большевизма, советской власти, личностям высших партийно-государственных деятелей не испытывал. Во-первых, уже многое из ранее тщательно скрываемого опубликовано. Во-вторых, сейчас многое доступно.

В строго охраняемых документах позор и стыд «принципиальных борцов за счастье народа», бесчестие и преступление перед обществом, обман и предательство заимствованных из Библии божественных идеалов. Безжалостность и жестокость выдавались за необходимость и неизбежность классовой борьбы, за мир во всем мире и благополучие «светлого будущего». И все это выдавалось за идеи и дела «великого Ленина» и «самое верное учение – ленинизм».

Максимально используя опубликованные и архивные документы, автор не претендует на их полное освещение. Во-первых, это невозможно ни научно, ни даже физически, а во-вторых, это и не нужно, так как проблема ясна и документально обоснована. Хотя вопросов и дополнений еще много, что может быть предметом специального исследования и новой, более оригинальной книги.

Целеустремленность В. Ульянова

Свободолюбивые мечты, идеи и борьба за свои права у русских, ставшие традиционными, восходят к далекой истории предков – восточных славян. Военно-демократический менталитет, сформировавшийся в процессе племенных объединений, стал разрушаться естественным ходом исторического развития. Формирование государственных структур общезжития и сосредоточение власти в руках одного человека – вождя – процесс многогранный, имеющий ряд особенностей для России. Особое, наиболее жестокое содержание борьба за власть начинает приобретать в XX столетии. Это объясняется как социально-экономическими, так и политическими причинами общественного бытия. Во-первых, в связи с переходом экономики ко всеохватывающему промышленному производству. В социально не подготовленной самодержавной России возникает всеобщий кризис, выходом из которого является альтернатива – реформы или революция. Во-вторых, попытки выхода из кризиса усиливают общественную активность, в результате чего формируются политические партии, появляются яркие личности, выражающие интересы определенных групп населения. В-третьих, подавляющее большинство политических сил разрешение кризиса видело прежде всего в изменении структур государственной власти. А главное, появляется партия, основной задачей которой является кардинальное изменение властных структур общественного развития.

Складывались две противоположные силы, претендующие на власть: лидеры буржуазии, а также наиболее радикальные государственные деятели и теоретики из интеллигенции, отвергающие капиталистический путь развития России. Встают взаимосвязанные вопросы: как элита, имевшая в своих руках все рычаги государственного управления, была не только отстранена от власти, но и уничтожена физически? В чем была сила небольшой группы революционеров, сумевшей не только повести за собой большинство населения, но и сковать его идеологическим дурманом и партийным террором?

Создание «ленинской секты»

Кардинальные социально-экономические изменения, как правило, происходят по реформированию сверху или посредством революционных изменений. На наш взгляд, властное реформирование закономерно и в основном удачно, революционные перемены поспешны, не подготовлены естественным ходом развития и вследствие этого насильственны. Реформы длительны, революционные же преобразования почти моментальны, поэтому они более привлекательны для основной массы народа, во все времена истории ждущего еще лучшей жизни.

Реформы 60–70-х гг. в России значительно оживили страну. Однако на рубеже XIX–XX вв. она вновь стала ощущать тормоза своего развития – земля и крестьяне не были введены в капиталистический оборот, государственное управление оставалось в виде неограниченного самодержавия. Мелкособственническая сущность крестьянства и консервативность самодержавия сдерживали революционные новации, хотя и не бездействовали крестьянские идеологи и сторонники реформирования.

Возросшая экономическая мощь России (с 1897 г. рубль становится конвертируемой валютой, вводятся в свободный оборот золотые монеты) и социально-политическая нищета приводят к переориентации на новые революционные силы, не обремененные собственностью, бесправно угнетаемые, но достаточно сплоченные в лице промышленных рабочих, представлявших в основном пролетариат. К тому же появилась весьма обнадеживающая революционная теория Маркса и Энгельса, являющаяся продуктом промышленной революции в Западной Европе, борьбы пролетариата за свои права. Анализируя период раннего промышленного капитализма, в основном английского и немецкого, Маркс выявил некоторые общественные закономерности, на основе которых поставил ряд конкретных задач в борьбе пролетариата с буржуазией.

Первым толкованием идей Маркса и Энгельса, практического воплощения их в России, по мнению Ленина, стала работа Г. Плеханова «Социализм и политическая борьба», опубликованная в 1883 г. Подвергая объективной критике народников, автор повторяет сомнительное утверждение Маркса о том, что промышленный пролетариат возьмет на себя инициативу борьбы за коммунизм.

Однако, на наш взгляд, политическое господство рабочего класса возможно было лишь путем его диктатуры, ибо общество экономически не готово к столь кардинальным переменам. Диктатура же не создает, а разрушает, что подтверждал и сам Плеханов, утверждая, что способ производства определяет весь строй данного общества, в том числе и характер его идей и теорий.

Ошибочность первых русских социал-демократов состояла в том, что неизбежным условием переустройства общественных отношений, по их мнению, должно было быть завоевание рабочим классом политической власти, что было и заложено в проектах программ 1884 и 1888 гг. группы «Освобождение труда». Выдвигались главные средства политической борьбы: агитация и распространение среди рабочего класса социалистических идей; создание революционных организаций. Указывались и методы борьбы: «Не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят (рабочие. – В.П.) перейти в удобный момент к общему, реальному на него нападению...»⁷⁹ При подчеркивании роли интеллигенции в революционном движении, признавался и индивидуальный террор как одно из средств политической борьбы. Плеханов игнорировал роль крестьянства в общественном движении

⁷⁹ Плеханов Г.В. Соч., т. II. М.—Л., 1925. С. 402.

России, считая, что «главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»⁸⁰.

Действительно, российского крестьянина больше занимали его хозяйственные заботы, в решении которых он проявлял жизненную мудрость. Что же касалось «умственной отсталости», то ее, на наш взгляд, можно было отнести к пролетарским и полупролетарским слоям города и деревни, т. е. деклассированным элементам, которых Плеханов причислял к союзникам рабочего класса. В дальнейшем Плеханов поймет, что пролетариат не может быть гегемоном, но это, по мнению Ленина, станет элементом оппортунизма в его идеях. Хотя в дальнейшем и Ленин признает, что рабочие не способны управлять государством.

Принимая теорию Маркса как универсальную, русские социал-демократы ошибались. Во-первых, Маркс не открывал все взаимосвязанные общественные законы, а во-вторых, его обобщения во многом исходили из специфики развития западноевропейского капитализма, во многом отличающегося от российского. Соратница «первого марксиста» России Вера Засулич убедительно полемизировала с К. Марксом, написав ему 16 февраля 1881 г.: «Россия единственная страна в Европе, в которой общинное земледелие сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же время Россия существует в современной исторической среде, она... связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство»⁸¹.

По поводу тревоги о дальнейшей судьбе общины в связи с развитием капитализма в России Маркс писал, что российские приверженцы его революционной теории неправильно поняли «Капитал», написанный для Западной Европы на английском материале. В России же, по его мнению, действуют другие законы, отражающие интересы крестьянской общины, которая составляла более 80 % населения и являлась «точкой опоры социального возрождения России». По мнению Маркса, Россия должна идти по пути общинного социализма, минуя капитализм. К тому же Маркс не мог предвидеть действия конкретных личностей и групп революционеров. Хотя комплексное изучение произведений Маркса и Энгельса, сравнительно-сопоставительный анализ приводил к естественным эмпирическим и различным умозаключениям их почитателей, что вызывало споры с претензиями на «истинное» понимание марксизма. Плеханов и его соратники, исходя из позиций капиталистического развития России, полемику Засулич с Марксом оставили без внимания.

Так закладывались «основы социал-демократического мирозерцания», а точнее, марксизма в России. Русская социал-демократия, отмечал позже Ленин, существовала тогда без рабочего движения, «переживая как политическая партия процесс утробного развития»⁸².

«Процесс утробного развития» политической партии рабочего класса России решил ускорить молодой, энергичный, честолюбивый брат казненного террориста-народовольца Александра Ульянова – Владимир⁸³, заявивший: «Мы пойдем другим путем». Первое «революционное» выступление Володи Ульянова состоялось в 1887 г. в Казани. В знак протеста против жестких условий университетской жизни он подал прошение на имя ректора «об изъятии» его из числа студентов. Власти не просто отчислили из числа студентов стропоитового юношу, но и выслали его в родовое имение деревню Кокушкино, с надеждой приложе-

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 413.

⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1967. С. 180.

⁸³ О В.И. Ульянове (Ленине) написано очень много, историографический анализ мог бы составить не одну диссертацию. Имеется даже биографическая хроника его жизни. В большинстве работ идеализируется образ Ленина, как и его дела. На наш взгляд, заслуживает внимания и критичная литература о нем, до недавнего времени запрещенная для советского человека, но все же частично дошедшая до нас в период гласности. См.: Поцелуев В.А. И это все о них (Советские вожди в мемуарах). Библиография. 2000. № 6.

ния его энергии в делах праведных. Однако через год он пытается вернуться в ненавистный университет, но, получив отказ, готовится экстерном сдать выпускные экзамены, дополняя профессиональные науки изучением марксизма. За полтора года он самостоятельно освоил университетский курс, рассчитанный на четыре года обучения. В 1891 г. сдал экзамены на юридическом факультете. Защитив диссертацию в области права при Петербургском университете, стал работать помощником присяжного поверенного в Самаре, куда в 1889 г. переехала семья Ульяновых. Однако несомненные способности незаурядного выпускника не были развиты на ниве юриспруденции. В конце 1893 г. Ульянов прибыл в Петербург, где занял место помощника присяжного поверенного. Это являлось лишь легальным прикрытием его революционной деятельности по изучению и пропаганде марксизма в кружках единомышленников и воскресных школах для рабочих. Несмотря на немногочисленность пролетариата в России ввиду ограниченного развития капитализма, Ленин настойчиво занимается созданием своей революционной теории и партийной организации.

В 1894 г. Ульянов в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»⁸⁴, вышедшей в трех выпусках, подвергает критике взгляды либеральных народников Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова и С.Н. Кривенко. Виднейшие идеологи либеральных народников считали, что царское правительство должно было стимулировать не тяжелую промышленность и строительство железных дорог, а вкладывать средства в развитие кустарных промыслов и артелей. Такой путь экономического развития они считали социалистическим и единственно приемлемым для России. Они утверждали, что учение Маркса неприменимо к России, так как оно разрабатывалось на опыте развитых капиталистических стран, что вывод Маркса об исторической миссии пролетариата как могильщика буржуазии и создателя нового общества не подтверждается историей. Русскую социал-демократию они называли буржуазным течением, которое желает «плодить нищету», безучастно к горю народа.

Молодой адвокат Ульянов пытается доказать правоту Маркса в том, что определяющим фактором естественно-исторического процесса является не познание его законов, а выделение из разных областей общественной жизни отрасли экономической посредством выделения из всех общественных отношений – отношений производственных как основных, первоначальных, определяющих все остальные.

По мнению Ульянова, марксистский критерий общественного развития есть классовые отношения вне зависимости от природных явлений, хотя, по утверждению Маркса, «бытие определяет сознание». Ульянов считал, что, несмотря на то что воля и действия людей обусловлены исторической необходимостью, они могут учитывать назревшие потребности общественного развития и воздействовать на него. Все это не противоречило человеческой логике, за исключением одного: кто определит «назревшие потребности» и как воздействовать на развитие общества. Хотя и на эти вопросы у марксистов был ответ. Необходимо было создать организацию единомышленников.

Либеральные народники считали, что история развивается не как объективный и закономерный процесс, а идет случайными путями благодаря воле «критически мыслящих личностей». История человечества, по революционной теории народников, делается «героями», а народная масса остается инертной силой, «толпой», так что великий человек «не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, «критически мыслящая единица».

⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125–346.

Либеральные народники отдавали приоритет в развитии общества деятельности «критически мыслящих» личностей, марксисты – «решающей роли народных масс», не забывая о том, что массы состоят из личностей и роль некоторых из них может стать решающей. О подтверждении роли личностей свидетельствовали и настойчивые попытки создания политической партии.

Об угрозе появления культа личности, «партийных генералов» (номенклатуры) предупреждал еще Г.В. Плеханов. «Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нее осуществится идеал персидского шаха»⁸⁵.

О неизбежности диктатуры и культа партийных вождей говорил и «антигосударственник», теоретик анархизма Петр Кропоткин. «Каждый революционер, – утверждал он, – мечтает о диктатуре, как говорил Маркс, или диктатуре революционного штаба, как утверждают бланкисты...» По мнению Кропоткина, если власть будет осуществляться путем «создания всесильного, всемогущего государства, обращающегося с народом как с поденным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников... И если... на другой день после революции народным массам будет дана возможность высказать свою волю, то это делается лишь для того, чтобы народ избрал вождей, которые и будут думать за него и составлять законы от его имени... Вот тайная мечта 99 % из тех, кто называет себя революционерами»⁸⁶.

Кропоткин считал, что в обществе два враждебных начала: «народное» и «начальственное», борьба которых и является двигателем исторического процесса. Поступательное развитие общества, по мнению «красного князя», осуществляется в форме революционных скачков и эволюционных процессов. Он был сторонником не стихийного бунта, а социальной революции, т. е. сознательных действий народа по претворению революционных мыслей.

Более конкретно последствия марксистской идеологии государственного социализма предсказывал М.А. Бакунин в своей работе «Государственность и анархия». «По Марксу, народ не только должен его (государство. – В.П.) разрушать, напротив, должен укреплять и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей – начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивший все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственной командой государственных чиновников, которые составляют новое привилегированное сословие»⁸⁷.

Без сомнения, В.И. Ульянов знал мнения своих оппонентов по вопросам роли личности в истории, партийного лидерства и т. п., считая, что создаваемая им партия сумеет удерживать демократические принципы своего руководства обществом. «Вообще русским коммунистам, последователям марксизма, – подчеркивал он, – более чем каким-нибудь другим следует именовать себя СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности ДЕМОКРАТИЗМА»⁸⁸. Он считал, что «политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации

⁸⁵ Плеханов Г.В. Соч., т. XIII. М.—Л., 1925. С. 90.

⁸⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 43–45.

⁸⁷ Бакунин М.А. Государственность и анархия. Собр. соч. и писем, т. 1. М., 1934. С. 45.

⁸⁸ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч. Т. 1. С. 300.

рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу ВСЕГО русского рабочего КЛАССА, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящихся».

Так были определены характер и основные задачи марксистской партии в России. По мнению ее создателя, «русский рабочий – единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»⁸⁹. Такое несоответствие истине, на наш взгляд, даже несмотря на признание союза рабочих с сельским пролетариатом, могло привести к диктаторским функциям искусственно избранной части общества, даже без необходимого учета ее разнородности, психологии и т. п. моментов.

Незыблемой основой рабочей партии, по мнению Ульянова, должен быть марксизм, сочетающий научность с революционностью. Подчеркивалась необходимость единства теории и практики в деятельности социал-демократов. Однако марксизм давал лишь общие аксиомы революционной борьбы, которые на практике могли истолковываться по-разному. Вне зависимости от объективного анализа развития капитализма в России молодой российский марксист упорно отстаивал учение Маркса и Энгельса о преходящем характере капиталистического способа производства, о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Тех же, кто, ссылаясь на Маркса и Энгельса, признавал прогрессивную роль капитализма и предлагал использовать его потенциальные возможности для улучшения жизни, он считал проповедниками буржуазной идеологии «под флагом марксизма».

Одним из основателей теории «легального марксизма» был П.Б. Струве, который считал идеалом развития русского общества конца XIX века свободную капиталистическую Россию с выборными органами власти. В конце 1894 г. Струве опубликовал «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Автор заявил, что разделяет лишь некоторые основные вопросы марксизма. Реально оценивая состояние экономического развития России, Струве приходит к выводу-призыву: «... признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»⁹⁰.

Взгляды Струве разделял Г.В. Плеханов. Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся взглядам российских революционных теоретиков, он несколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Вместе с тем считал необходимым организовать политическое обучение соотечественников. В 1895 г. был образован «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединивший разрозненные марксистские кружки столичных социал-демократов.

Жаркая борьба по революционной тактике продолжалась. За ее развитием внимательно следила полиция, периодически нейтрализуя наиболее активных революционных теоретиков. В декабре 1895 г. был арестован В. Ульянов, приговорен к трем годам и сослан в Сибирь, где в более спокойной и благоустроенной семейной обстановке мог обдумать главную цель жизни – создание революционной организации, которая воплотит на практике его идеи.

В конце 1895 г. шушенский затворник написал «Проект программы» будущей партии, а летом 1896 г. – «Объяснение программы» социал-демократической партии. В «Проекте программы» констатируется быстрый рост капитализма, который «означает громадный рост богатств и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда,

⁸⁹ Там же. С. 309–310.

⁹⁰ Струве П.Б. Вехи. Вып. 1. М., 1909. С. 288.

служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с ней и к незащищенности рабочих»⁹¹.

В общем, все верно, ибо закономерно. Однако о какой степени нищеты идет речь? Деловой предприниматель всегда будет развивать свое дело за счет «улучшения производства и машин». О какой степени эксплуатации и «угнетения рабочих» можно говорить? Пролетарии добровольно продают рабочую силу и имеют право защищать себя от чрезмерного, противозаконного угнетения в судебном порядке, забастовками, различными формами экономического давления на предпринимателя. Но ссыльный революционер призывает к борьбе «против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации», которая «может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества...»⁹².

Такой призыв, на наш взгляд, игнорировал огромный слой населения, не производящий материальных ценностей, – интеллигенцию, служащих, священнослужителей и т. п. Необъяснимо и то, почему политическая власть должна перейти в руки рабочего класса, к тому же небольшой и нелучшей части общества. Передача же «всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки общества» вновь приведет к сосредоточению ее у профессиональных групп трудящихся, а точнее, она попадет в руки организаторов и, еще хуже, начальников производства, от которых вновь будет зависеть общество. Потеря же личной заинтересованности в улучшении производства приведет к падению производительности труда и обнищанию всего общества.

В «Проекте программы» давалось указание о том, что «движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное (социал-демократическое) движение рабочего класса всех стран». И это все в зависимости от наличия рабочего класса и его желания. «Русская социал-демократическая партия, – было записано в «Проекте программы», – объявляет своей задачей помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы». По мнению шушенского теоретика, выходило, что «задачи и цели борьбы» определять должен не весь рабочий класс, а его партия. К тому же указания партии должны касаться всего российского общества и, более того, «движения рабочего класса всех стран».

В «Проекте программы» подчеркивалось, что «борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение свободы». Однако при всей нацеленности на политические задачи проект программы в основном содержит экономические требования, вплоть до абсурдного ведения войны «со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а следовательно, и развитие рабочего класса»⁹³.

Таким образом, зачатком пролетарской партии России явился «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединивший кружки марксистско-народовольческой идеологии.

В 1897 г. В.И. Ульянов подготовил «Задачи русских социал-демократов», опубликованные за границей 5 лет спустя под именем Н. Ленин. Под новым псевдонимом был и официальный паспорт Владимира Ильича, который он «одолжил» у оставшегося в России 70-летнего Николая Егоровича Ленина.

⁹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 83.

⁹² Там же. С. 83–84.

⁹³ Там же. С. 84–85.

Сибирская ссылка не позволила шушенскому затворнику принять личное участие в организационном съезде российских социал-демократов.

1–3 марта 1898 г. в Минске 9 делегатов от 6 организаций: петербургского, московского, екатеринославского и киевского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», «Рабочей газеты», Всеобщего еврейского союза в России и Польши и Бунда – решили создать Российскую социал-демократическую рабочую партию. Был избран ЦК в составе 3 человек (С.И. Радченко, Б.Л. Эйдельман и А.И. Кремер). Итак, во главе Российской СДРП не было представителя основного народа России – русского. К тому же, несмотря на интернационалистические основы РСДРП, съезд признал Бунд автономной организацией. Ни устава, ни программы партии принято не было.

В апреле 1898 г. Радченко, Кремер и Струве по решению съезда подготовили и опубликовали Манифест РСДРП, в котором особое внимание обращалось на политическую свободу. «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она – основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение»⁹⁴.

В 1899 г. В.И. Ленин закончил большой труд «Развитие капитализма в России», в котором попытался проанализировать экономическую основу российской рабочей партии, теоретическую базу ее программы, стратегии и тактики. Ленин попытался «дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»⁹⁵. Идеальный спор революционных марксистов с либеральными народниками и «легальными марксистами» должен был разрешить проблему стратегии и тактики дальнейшей революционной борьбы. Это был вопрос о том, какой класс должен и может осуществить коренное переустройство общества.

Судьба капитализма в России, условия победы революции и дальнейшее ее развитие были в центре постоянного внимания Ленина. На большом фактическом материале он проанализировал развитие капитализма, показав конкретные проявления общих экономических законов в российской действительности. Раскрывая главные стадии эволюции русского капитализма, Ленин пришел к марксистскому выводу о неизбежной революционной замене капиталистического развития – социализмом. Он показывал наличие необходимых компонентов социалистических преобразований, одним из которых являлась концентрация производства, необходимая для государственного обобществления.

Однако в 1894–1895 гг. крупные предприятия (с числом рабочих 100 и более человек) составляли лишь 10,1 % всех фабрик и заводов, что не было подавляющим среди всего населения России. Но на крупных предприятиях России было занято 74 % всех фабрично-заводских рабочих, производящих свыше 70 % всей продукции⁹⁶. В конце XIX века были изданы специальные законы по обеспечению безопасности рабочих в горнозаводской промышленности, на железных дорогах и на предприятиях, особо опасных для жизни и здоровья рабочих. Детский труд до 12-летнего возраста был запрещен. Труд несовершеннолетних и женщин не мог быть использован между 9 часами вечера и 5 часами утра. Штрафы не могли быть выше одной трети заработка. Штрафные деньги поступали в фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих. В 1903 г. были введены цеховые старосты, избираемые рабочими, в 1906 г. законом были признаны рабочие союзы, в 1912 г. было введено социальное страхование. Главное – рабочие имели право на забастовку. Президент США 1909–1913 гг. У. Тафт в 1912 г. публично заявил: «Ваш император создал такое совершен-

⁹⁴ Первый съезд РСДРП, март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958. С. 80.

⁹⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 466.

⁹⁶ См. Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II 1894–1917 гг. в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1968.

ное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

Концентрация рабочих способствовала сплочению и организации революционной борьбы, увеличивала их силу и политическую активность в жизни страны. В итоге исследования Ленин констатировал, что «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»⁹⁷.

На наш взгляд, Россия оставалась еще страной преимущественно аграрной и отсталой в технико-экономическом отношении по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Ленин справедливо подчеркивал, что капитализм лишь создает материальные предпосылки и субъективные факторы пролетарской революции, перехода к социализму.

Общий вывод «Развития капитализма в России» состоял в том, что в России назревает народная революция, во главе которой стоит пролетариат, имеющий мощного союзника – многомиллионное крестьянство. Начавшаяся революция, по мнению Ленина, не ограничится свержением монархии – пролетариат свергнет и капиталистов, взяв в свои руки власть, приступит к социалистическим преобразованиям.

Без сомнения, труд Ленина является обобщающим и глубоким исследованием развития капитализма, в котором вскрыты не только закономерности капиталистического быта, но и специфические особенности его развития в России. Вполне правомочным явилась постановка вопроса о политической организации рабочего класса – создании партии. И все же ни идеальная социал-демократическая партия, ни универсальная революционная теория марксизма не могли заменить естественного социально-экономического развития России, численности рабочего класса, его общеобразовательного, культурного и профессионального уровня. Россия не была готова к революционным изменениям, тем более – социалистическим, и даже создание партии не могло ускорить естественный процесс общественного развития.

Революционная рабочая партия, по мысли Ленина, должна была развить классовое самосознание пролетариата, основой которого должно было стать его стремление завоевать политическую власть и приступить к социалистическим преобразованиям общества. Таким образом, создание политической партии являлось закономерным результатом социально-экономического развития России, проявлением сплоченности рабочих. О создании РСДРП написано много, и наша задача лишь в том, чтобы отразить в этом процессе роль Ленина, его взгляды на «партию нового типа».

Ленин и его сторонники доказывали важность политической борьбы, завоевания власти, установления диктатуры пролетариата и проведения социалистических преобразований. «Мы думаем, – писал будущий создатель «партии нового типа», – что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются, в частности, к Англии иначе, чем к Франции, иначе, чем к Германии, иначе, чем к России».

«Самостоятельная разработка теории Маркса», на наш взгляд, не марксизм, а ленинизм, хотя этот термин сам Ленин никогда не употреблял. В то же время необходимо учитывать, что Маркс и Энгельс заложили такие «краеугольные камни», без учета которых невозможно построение социализма ни в какой стране. Таким образом, ленинизм – это соединение русского революционного наследия с марксизмом. Первостепенное значение в новом российском революционном течении главный его теоретик отводил программе организации и тактике действия ее членов.

⁹⁷ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597–598.

Итак, что же Ленин приветствовал безоговорочно в марксизме? Пожалуй, одно: теорию классовой борьбы и проповедь пролетарской революции. Таким образом, для Ленина «марксизм – не догма, а руководство к действию».

В 1899 г. Ленин разработал новый проект программы РСДРП, в основу которого лег проект группы «Освобождение труда» – «проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях». Несмотря на то что он издан 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, – писал Ленин, – разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории». В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм, – рабочий класс, «промышленный пролетариат»; указана та цель, которую должен ставить себе этот класс, – «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» – «коммунистическая революция»; указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений» – «захват рабочим классом политической власти»; указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата – более восприимчивого, подвижного и развитого»; указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» – «низвержение абсолютизма»; указаны «средства политической борьбы и выставлены ее основные требования»⁹⁸

Таким образом, основные элементы программы рабочей партии, составленные группой зарубежных революционеров, легли в основу проекта 29-летнего Владимира Ульянова.

Организации классовой борьбы пролетариата «на почве теории Маркса», которая, по мнению Ленина, «впервые превратила социализм из утопии в науку»⁹⁹, способствовала газета «Искра». Через газету русская социал-демократия призвана была «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением»¹⁰⁰.

В противоположность Ленину так называемые «экономисты» Кричевский, Мартов (Цедербаум), Акимов и др. считали марксизм «примитивным», пользующимся «слишком схематичным представлением классового деления общества». Солидаризируясь с Марксом в том, что лишь экономические интересы пролетариата и буржуазии играют решающую роль в истории, «экономисты» утверждали, что борьба пролетариата за наиболее выгодные условия продажи рабочей силы составляет ее основу. Однако, по их мнению, пролетариат недостаточно развит и подготовлен к политической борьбе и, тем более, к руководству российским обществом. Организаторами политической деятельности они считали либералов, что соответствовало их ведущей роли в экономическом развитии страны.

А.А. Якубова и ее единомышленники, сгруппировавшиеся вокруг газеты «Русская мысль», также считали основной задачей рабочего движения экономическую борьбу с капитализмом, средством борьбы – стачку. По отношению к царизму – выдвигалось требование

⁹⁸ Ленин В.И. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216.

⁹⁹ Ленин В.И. Наша программа. Там же. С. 182.

¹⁰⁰ Там же. С. 184.

«законодательной защиты труда»¹⁰¹. Для достижения своих целей они считали более эффективным не создание политической партии, а различные рабочие организации и профсоюзы.

«Экономистов» Петербурга поддержал «Союз русских социал-демократов за границей» во главе с Г.В. Плехановым. Их позиция, изложенная в журнале «Рабочее дело», состояла в постепенном, поступательном развитии рабочего движения, от борьбы рабочих за свои интересы на отдельных предприятиях до всеобщих действий против царизма за улучшение фабричного законодательства. К тому же они не отстаивали руководящую и направляющую роль социал-демократических организаций в освободительном движении. По их мнению, русский рабочий еще не созрел для ведения самостоятельной политической борьбы и нуждается в руководстве либералами.

Понимая, что процесс экономической борьбы длителен, а главное, утомителен и не дает власти, Ленин радикально выступил против «экономистов», назвав их теорию извращением и опошлением марксизма в духе легального марксиста П. Струве и немецкого реформиста Э. Бернштейна. Не отрицая решающей роли экономических интересов в общественном развитии, Ленин считал ошибочным вывод о первостепенном значении экономической борьбы. Доказательства своих идей он пытался изложить в ряде работ, написанных в 1899–1902 гг. Самые существенные экономические интересы пролетариата, писал Ленин, можно удовлетворить только коренным политическим преобразованием, свержением монархии и буржуазии, установлением диктатуры пролетариата. Ленин вновь пытается доказать роль пролетариата в революционной борьбе, а точнее, он внушает пролетариату «его историческое предназначение как руководителя всех трудящихся», развивая его гегемонистскую идеологию, уверяя его в возможности сложнейшего управления обществом. Хотя вся теоретическая разработка ведущей роли рабочего класса проводилась без его участия.

Марксизм-ленинизм становится более понятен пролетариату, ибо утопические идеи всеобщего равенства, справедливости и т. п. вытекают из самой природы людей, в массе своей верящих в добро и мечтающих о своем благополучии земном и даже небесном. Подтверждением этому служит и неугасающая вера во Всевышнего, единая для всех мировых религий. К тому же большая часть людей желает быстрее исполнения своих желаний, не задумываясь о реальных мерах их выполнения – материальных затратах, ущемлении окружающих, моральных принципах и т. д.

Не вдаваясь в подробный анализ социал-демократической и социал-революционной теории, их идейных разногласий, которые Ленин считал идеологическими буржуазными извращениями и опошлением марксизма, можно констатировать плюрализм мнений по кардинальным вопросам социалистического движения. Наличие «твердых» и «мягких», ортодоксов и оппортунистов, догматиков и прагматиков как среди марксистов, так и среди других революционных идеологий и течений было вполне нормальным явлением общественной жизни. Вся эта борьба рождала наиболее рациональные формы и методы общественного прогресса. И никто не имел морального права на оскорбления и тем более физическое воздействие на своего политического оппонента. Нужна была широкая политическая дискуссия, в ходе которой не только бы выяснялись идейные позиции, формы и методы их практического внедрения различных сторон, но и происходила бы кристаллизация общественного мышления.

«Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», – так изложил свою революционную позицию Ленин в книге, вышедшей в конце 1902 г., в которой были поставлены три вопроса: «о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой обще-

¹⁰¹ Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. Там же. С. 172.

русской организации»¹⁰². В принципе эти вопросы стояли перед всеми революционными организациями. Ленин рассматривал их неоднократно и все же в наиболее критический момент общественного движения посчитал, «что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, систематического «объяснения» со всеми «экономистами» по всем конкретным пунктам наших разногласий»¹⁰³.

Ленин считал несостоятельным и оппортунистическим отрицание «экономистами» научной обоснованности социализма «с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность». Он упрекал их в том, что они не видят «растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий», а главное, объявляют «несостоятельным самое понятие о «конкретной цели» и безусловно отвергают идею диктатуры пролетариата. Он не понимал политических оппонентов, которые отрицали принципиальную противоположность либерализма и социализма, теорию классовой борьбы, считая, что она «неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства...». Ленина бесило то, что, по мнению «экономистов», «социал-демократия должна из партии социальной превратиться в демократическую партию социальных реформ». Такая «свобода критики», по мнению Ленина, «есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов».

Таким образом, критикуя своих оппонентов, Ленин отрицал их критику в отношении себя, апеллируя лишь к бесспорным идеям марксизма, «зоркого внимания к теоретической стороне революционного пролетариата», «самостоятельной выработки специфической социал-демократической политики, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям»¹⁰⁴.

Ленин считал, что «социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть, оно могло быть привнесено только извне»¹⁰⁵. В этом Ленин противоречил Марксу, который утверждал: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹⁰⁶. И все же Ленин отстаивал: «Революционная опытность и организаторская ловкость – вещи наживные», считая, что именно это должно стать приоритетным в общественном преобразовании.

Принижением социализма считал Ленин мнения «экономистов» о том, что «политическая борьба рабочего класса есть лишь (именно лишь. – *В.П.*) наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», «Р.Д.», № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача – как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применяемое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолуция съезда Союза и «поправки»; «Два съезда», стр. 11 и 17).

Ленин придерживался иного взгляда: «...экономическую борьбу следует вести как можно более широко». Он писал, что ею всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости считать экономическую борьбу наиболее широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу»¹⁰⁷.

¹⁰² Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения. Там же. С. 371–374.

¹⁰³ Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6. С. 6.

¹⁰⁴ Там же. С. 7, 23, 43

¹⁰⁵ Там же. С. 30

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13. С. 7.

¹⁰⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 33, 57, 59.

Итак, позиции ясны. Где истина? Истина – налицо. «Экономисты» стояли за эволюционный буржуазный путь развития, марксисты-ленинцы – за революционный захват власти и социалистические преобразования. Первые исходили из реальных проблем, вторые – перспективных, а точнее, догматических, ибо неразвитый капитализм даже при идеальной социал-демократической политике мог перерасти лишь в диктаторский социализм.

Ленин от имени выдуманного рабочего, якобы ведущего разговор с «экономистами», заявляет: «...мы не дети, которых можно накормить кашницей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со всеми сторонами политической жизни и активно участвовать во всяком и каждом политическом событии». Кто же этому мешал?

По мнению Ленина, интеллигенты-«экономисты», которые не давали рабочим политических знаний, не информировали их, «непреренно в виде живых обличей того, что именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни». А главное в том, что интеллигенты преклоняются перед стихийностью и мало проявляют «своей активности»¹⁰⁸.

Вот так рассуждал сытый Ленин за рабочего, основной целью которого было заработать себе и своей семье на жизнь, а не слушать политические доклады, ибо от этого сыт не будешь, но злобы прибавится.

К тому же, по убеждению Ленина, «политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях взывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе»¹⁰⁹. Ленин усиленно подталкивал рабочий класс на позиции борьбы за демократию, а точнее – на политический бой с буржуазией и самодержавием за завоевание власти и установление своей диктатуры. «Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время, – утверждал Ленин, – только партия, которая организует действительно внеародные обличения... вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса...»¹¹⁰

Опасаясь жандармских репрессий, Ленин имел в виду: «Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющих доверенных людей в главных районах и связанных, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров...», которое может выполнить все функции профессиональной организации «так, как это желательно для социал-демократии»... А кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме – тот просто «неисправимый утопист»¹¹¹.

Действительно, широкая революционная партия, ведущая политическую борьбу за власть, была обречена, но небольшая профессиональная организация становилась заговорщической партией, хотя и способной перевернуть, по мнению Ленина, Россию. «...Главное внимание, – пишет Ленин, – должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты»¹¹².

Таким образом рождалась партийная элита, из которой должен выделиться вождь.

¹⁰⁸ Там же. С. 73–74.

¹⁰⁹ Там же. С. 75.

¹¹⁰ Там же. С. 90–91.

¹¹¹ Там же. С. 119.

¹¹² Там же. С. 131.

Лидерство, по мнению Ленина, – необходимое условие для успеха революции. «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения, – считал Ленин, – должны быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, – уверял Ленин, – обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи»¹¹³.

Ленин действительно точно подметил характерную черту русских, воспитанную веками, – круговую поруку. И все же он не прав, отстаивая сектантские методы создания революционной партии, члены которой должны были «вырабатывать из себя настоящих политических вождей». Именно посредством политической агитации они должны были поднимать народ на революцию.

Для массового тиражирования пламенных речей революционеров необходима была еженедельная газета. «Эта газета, – считал Ленин, – стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классово-народного возмущения в общий пожар». Он с уверенностью революционного вожака уверял, что «по лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятием России»¹¹⁴.

Столь откровенный призыв народа «к топору» был вызывающим, обнажающим революционную суть ленинского мировоззрения, главной фигурой которого был политический дровосек и факельщик, а не безымянный русский Левша, Демидовы, Ломоносов, да и многие другие, умом и трудом прославляющие Россию. Конечно, труднее вырастить и поддержать ученого или мастерового, чем раздуть искру «народного» разбоя и государственного беспредела «политических вождей».

Ленин был глубоко убежден, что все социальные болезни России в плохой организованности ее политического и экономического управления, обюрокротившихся государственных чиновников. Отчасти это было так, но ответ на вопрос «что делать?» Ленин явно идеализировал, считая, что от энергичных, овладевших марксистской теорией классово-народной борьбы концентрическими кругами будет распространяться организация всего российского общества. Ленинизм фактически развивал народническую теорию «героя и толпы», изложенную в «Исторических письмах» (1868–1869 гг.) П.Л. Лаврова, согласно которой исторический прогресс – это результат столкновения идей выдающихся личностей с обыденным сознанием народа. По мнению Плеханова, это не соответствовало марксизму.

В работе «Что делать?» Ленин вносит «ясность» и по поводу партийной газеты, подвергая осуждению утверждение «экономистов» о том, что «не газета может создать партийную организацию, а наоборот». Газета «Искра», в которой главным редактором был Ленин, охарактеризована была «экономистами» как газета, стоящая над партией, вне ее контроля и независимо от нее благодаря собственной сети агентов.

Вполне естественно, что, какую бы организацию газета ни представляла, без контроля со стороны этой организации или ее органов она в основном представляла мнение редакции и в большей степени ее главного редактора.

Ленин утверждал, «что нет иного средства воспитывать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты». Естественно, имеется в виду «Искра», а не какая-либо другая газета, которая по праву могла претендовать на роль лидера, хотя газета –

¹¹³ Там же. С. 141.

¹¹⁴ Там же. С. 171.

лишь одно из средств воспитания и не может выполнять функции партийных организаций, а тем более органа по подготовке к восстанию.

«Проглядеть революцию, – утверждал Ленин, – всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы, и тактики, и организационной работы всенародную агитацию, как делает «Искра»¹¹⁵.

Таким образом, работа Ленина «Что делать?» формулировала основные направления, формы и методы деятельности ленинской фракции, которая боролась за строго централизованную, хорошо законспирированную, малую профессиональную политическую партию, способную поднять пролетариат на борьбу с царизмом и капитализмом путем захвата государственного управления. Несколько позже Плеханов отметит, что «Ленин написал для наших практиков катехизис не теоретический, а практический, за что многие из них прониклись благоговейным уважением к нему и провозгласили социал-демократическим Соломоном»¹¹⁶. Наступательная тактика революционной борьбы, изложенная Лениным в работе «Что делать?», встретила благодатную почву среди молодых социал-демократов, мечтавших об индивидуальном героизме на благо народа. Авторитет Ленина значительно вырос, он стал реальным кандидатом на пост руководителя партии на предстоящем съезде РСДРП.

Концепции Ленина по основным вопросам политической борьбы пролетариата повлекли за собой не только идейную поляризацию, но и практическое разделение РСДРП на II съезде в августе 1903 г., хотя главная задача съезда состояла в создании действительно революционной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». К тому же искровцы, подготовившие съезд, владели большинством голосов – 33 из 47. «Экономисты» обвинили их в захвате власти на съезде, председателем которого был избран Плеханов, его заместителями Ленин и Красиков.

Съезд принял изменения в партийной программе, составленной на основе предложений Плеханова и Ленина, в политической части которой было записано:

«Российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1. Самодержавие народа, то есть сосредоточение всей верховной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.
2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок...
3. Широкое местное самоуправление...
4. Неприкосновенность личности и жилища.
5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.
6. Свободу передвижения и промыслов.
7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан...»¹¹⁷

Ну как обойтись без цитирования, когда все названные пункты партийной программы будут нарушены одним из ее создателей с первых дней захвата власти.

Однако большинство верило Плеханову, который все больше и больше представлял лишь фасад марксизма, щит ленинизма, еще не обнажившего революционного меча.

Раздел программы по аграрному вопросу, похожий на программу других социалистических и либеральных партий и групп, был выражен в весьма умеренных требованиях. Но по столь важному вопросу Ленин имел свой план, основу которого изложил летом 1903 г. в брошюре «К деревенской бедноте». Доминантой было разжигание классово-борьбы в деревне,

¹¹⁵ Там же. С. 176.

¹¹⁶ Плеханов Г.В. Соч., т. 13. М.—Л., 1926. С. 133–134.

¹¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 1. М., 1970. С. 62.

исходя из трех категорий крестьян: бедные, средние, богатые. «Деревенской бедноте, – указывал Ленин, – сначала надо на помещиков ударить и хотя бы только самую злую, самую вредную барскую кабалу с себя сшибить, – в этом многие богатые крестьяне и сторонники среднего класса тоже за беднотой пойдут». Затем беднота должна продолжить борьбу против богатых крестьян «с городским рабочим человеком»...¹¹⁸ А в отношении «средних» крестьян Ленин начинает разбираться в 1918 г., когда Гражданская война затянет их в огненное сопло смертельного горнила.

По основному вопросу съезда – программе РСДРП – вновь разгорелась принципиальная борьба. Лидер «экономистов» Мартынов предложил добавить в формулировку «растет число и сплоченность пролетариата» слово «сознательность». Однако Ленин и его сторонники – В.Ф. Горин, Д.А. Толуридзе и др. – считали, что социалистическая сознательность не может быть стихийной, она лишь вносится рабочей партией. «Эта вставка, – говорил Ленин, – вносит ухудшение. Она создает представление, как будто стихийно растет сознательность. В международной же социал-демократии нет сознательной деятельности рабочих вне влияния социал-демократии». И все же логическая поправка была отклонена подавляющим большинством ленинцев.

Оспаривался Акимовым и пункт о диктатуре пролетариата. Большинство отстояло мнение лидера о том, что необходимое условие социалистической революции «составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»¹¹⁹.

В стенографическом отчете второго съезда, изданном в Женеве, на странице 241, утверждает М. Геллер, занесено в протокол, что во время выступления делегата Попова, говорившего о вездесущем и всюду проникающем духе ЦК, Ленин поднял кулак и воскликнул: «Кулак!»¹²⁰

Дискуссионным стал вопрос о значении таких «демократических принципов», как всеобщее, равное и прямое избирательное право, и др. Позицию марксистов выразил Г.В. Плеханов. «...Успех революции, – заявил он, – высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться». Он подчеркнул, что пролетариат не только лишит избирательного права капиталистов, но и разгонит какой угодно парламент, если он окажется контрреволюционным.

Таким образом, развивались положения Маркса – Энгельса о классовой борьбе, классовом подходе к демократии, ибо «...пролетариату для овладения политической властью также нужны демократические формы, но они для него, как и все политические формы, только средство»¹²¹.

Ожесточенная борьба шла и по вопросам Устава партии, а когда съезд принял решение о признании «заграничной лиги русской социал-демократии» единственной организацией РСДРП, а затем отклонил принцип федерализма в построении партии, «экономисты» и бундовцы покинули съезд. По мнению Мартова и его сторонников, партия фактически должна была слиться с рабочим классом. По Ленину же, партия была прежде всего орудием профессиональных революционеров, которые в основном были интеллигентами. В партийные организации на местах входило небольшое число рабочих, знакомых лишь с азами марксистско-ленинской теории классовой борьбы, но готовых на все во имя «светлого будущего».

¹¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 202.

¹¹⁹ КПСС в резолюциях... М., 1995. Кн. 1. С. 62.

¹²⁰ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... М., 1995. Кн. 1. С. 62.

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36. С. 112.

Раскололась и фракция искровцев по поводу формулировки параграфа Устава относительно условий членства в партии. Ленин предложил формулировку, по которой: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов предложил, что «членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»¹²².

Вроде бы разница небольшая, но весьма существенная. По Ленину, членом партии мог стать только тот, кто принадлежал к партийной организации, обязан соблюдать железную дисциплину, подчиняться партийному центру. Ленин рассматривал членов партии как агентов конспиративной организации.

Согласно Мартову, членом партии мог быть любой человек, который сотрудничал с ней, даже не входя в партийную организацию. Он мог отказаться от секретных партийных инструкций и выступать критически легально.

За формулировку Ленина проголосовали 24 человека, за вариант Мартова – 9. Это было началом раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков. Плеханов, видя реальную расстановку сил, вероятно, считая некорректным усугублять разрыв искровцев, голосовал формально за Ленина, который все более и более выходил в лидеры нового наступательного революционного курса российских социал-демократов.

Важным вопросом, обсуждавшимся на съезде, стала проблема отношения к либерально-демократическому течению. Потресов считал возможным сотрудничество социал-демократов с ними. Плеханов и Ленин выступали против компромисса, отстаивая положение марксизма о том, что политические компромиссы возможны лишь тогда, когда они не затрагивают принципиальных основ гегемонии рабочего класса в обществе и его главной цели – построения коммунизма.

Таким образом 2-й съезд РСДРП фактически расколол партию под давлением ленинского большинства. К тому же и в состав ЦК было избрано большинство ленинцев. «Большевизм, – писал впоследствии Ленин, – существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»¹²³. Так была оформлена партия «нового типа», в основе которой лежали принципы превосходства политических вопросов над экономическими; строгой конспирации и железной дисциплины; инициативы руководящих органов; непререкаемости лидеру партии.

Позицию большевиков по созданию в России революционной партии рабочего класса, партии «нового типа» изложил Ленин в книге «Шаг вперед, два шага назад», вышедшей в мае 1904 г. Главной задачей, поставленной Лениным, было подробное выявление смысла разногласий с наиболее видными российскими социал-демократами, противостоящими «большевизму», – Г.В. Плехановым, Ю.О. Мартовым, П.Б. Аксельродом, В.И. Засулич, П.Б. Струве и др., которых поддерживал лидер II Интернационала К. Каутский.

Уже в предисловии Ленин определил, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» оппортунистическое крыло РСДРП¹²⁴. По мнению Ленина, проявлениями организационного оппортунизма меньшевиков были:

во-первых, «жирондизм», или отказ от классовой «чистоты» новой партии, возможность участия в РСДРП представителей всех слоев населения. Ленин отстаивал идеологию «якобинства»;

¹²² КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954. Ч. 1. С. 62.

¹²³ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6.

¹²⁴ КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954. Ч. 1. С. 62.

во-вторых, «хвостизм» – отрицание роли партии «в применении к вопросам организации». «Мы, так называемое «меньшинство», – писал Л. Троцкий, – не выставляем организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно, в процессе политической борьбы»;

в-третьих, «барский, или интеллигентский, анархизм» – возражение против строгих уставных партийных рамок;

в-четвертых, «автономизм» – враждебное отношение к пролетарскому централизму. Меньшевики, выступая против бундовского федерализма, против автономизма «экономистов», отстаивали права местных организаций и одиночек.

По мнению Ленина, марксистская партия должна быть:

во-первых, не только частью рабочего класса, но и его передовым отрядом, боевым вождем всех трудящихся;

во-вторых, основной принцип построения партии – демократический централизм.

Это означало: работу партии на основе единого Устава; руководство сверху донизу; подчинение меньшинства большинству; выборность руководящих органов снизу доверху; периодическая отчетность органов перед своими организациями. Подчеркивая значение централизма, Ленин писал: «...прежде наша партия не была организованным формальным целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших»¹²⁵.

Марксистская партия, считал Ленин, в руководстве беспартийными массами трудящихся должна иметь моральное и политическое их доверие, опираться на их поддержку, «требовать исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха»¹²⁶. Партия не должна скрывать правду и недостатки от масс, должна проводить активную «работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов...»¹²⁷.

Вместе с тем Ленин утверждал, что «чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающее ее, руководимые ею элементы рабочих масс¹²⁸... У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»¹²⁹.

На наш взгляд, рамки «шаткости и неустойчивости» очень относительноны и могут быть сужены до уровня культа партийного вождя. «Шаткость и неустойчивость» отражают объективное состояние партийных рядов, и, вполне естественно, рабочие массы идут за теми, политику которых считают более реалистичной и благовидной.

Дальнейшее разобложение российской социал-демократии происходит под руководством Ленина в августе 1904 г. в Швейцарии на совещании 22 большевиков и в конце 1904 г. на трех конференциях РСДРП. Основным требованием большевиков стал созыв третьего съезда партии. «Фактически... – писал Ленин 3 февраля 1905 г. – оказалось две Российские социал-демократические рабочие партии. Одна с органом «Искра», «официально» называемым Центральным Органом партии, с Центральным Комитетом, с четырьмя русскими комитетами из двадцати... Другая партия с органом «Вперед», с «Бюро русских Комитетов Большинства», с 14-ю комитетами в России...»¹³⁰

¹²⁵ Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 188, 354–355.

¹²⁶ Там же. С. 248

¹²⁷ Там же. С. 190.

¹²⁸ Там же. С. 244.

¹²⁹ Там же. С. 403.

¹³⁰ Там же, т. 9. С. 236.

В открытом письме ЦК РСДРП, опубликованном в «Искре», Г.В. Плеханов обвинял В.И. Ленина в «бонапархизме» и требовал, чтобы ЦК отмежевался от него. Однако позицию Ленина поддерживали наиболее авантюристические и решительные люди, считавшие, что главное – захватить власть. Ленин как бы развивал эту идею, указывал, что главное – «удержать власть». На основе ленинской центристской концепции революционной партии поляризируются мнения деятелей российской социал-демократии. Мартов, Аксельрод, Плеханов, Троцкий и др. выражали сомнения относительно истинности марксизма Ленина, сравнивая его с Бакуниным, также сторонником централизма¹³¹. Троцкий считал, что Ленин скорее якобинец, чем марксист, ибо «подобные методы приводят, как еще увидим, к тому, что партийная организация «замещает» собой партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, «диктатор» замещает собой ЦК»¹³².

Формирование большевизма шло не только вокруг марксизма-ленинизма, идеей революционного успеха и перспективы социалистического переустройства, но и притягательностью личности Ленина. «Очарование это колоссально, – свидетельствовал А.В. Луначарский, – люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него»¹³³.

Бежавший из киевской тюрьмы в Женеву Н. Вольский (Валентинов) в начале 1904 г. был принят в небольшую группу большевиков, живших, по образному выражению меньшевиков, «ленинской сектой», услышал о 33-летнем Ленине: «Старик мудр, никто до него так тонко, так хорошо не разбирал детали, кнопки и винтики механизма русского капитализма». Весьма лестная характеристика своего почитателя, так же как почти религиозная атмосфера поклонения его идеям, смутила молодого революционера. Но через некоторое время ленинские чары овладели и Вольским. «Сказать, что я в него «влюбился», – вспоминал Валентинов, – немножко смешно, однако этот глагол, пожалуй, точнее, чем другие, определяет мое отношение к Ленину в течение многих месяцев»¹³⁴.

Без Ленина не могли жить многие его соратники. Некоторые, со временем «прозрев», отошли от него, подвергнув идеи и культ вождя резкой критике, что не принижало значения его личности и его работоспособности. И хотя в начале XX столетия с интервалом в несколько лет он написал основополагающие теоретические труды по стратегии и тактике большевизма, содержавшие многочисленные ссылки на Маркса и Энгельса, марксизм интерпретировался им от потребностей реальной практики и насущных проблем революционного движения в России, разрешаемых им самим и его партией «нового типа».

Итак, было сделано главное на пути завоевания власти – была создана революционная организация во главе с ее идейным, очень инициативным вдохновителем, учителем и вождем В.И. Ульяновым (Лениным).

БЛИЗОРУКОСТЬ БОЛЬШЕВИКОВ И ОПЕРАТИВНОСТЬ ДУМЦЕВ

Социально-экономический кризис в России был обострен войной с Японией. 3 января 1905 г. путиловские рабочие объявили стачку. 5 января Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих города и губернии провести забастовку солидарности, в которой уже 8 января принимало участие более 200 тыс. рабочих. Однако инициативу рабочих волнений взял на себя священник Георгий Аполлонович Гапон, который предложил составить петицию-про-

¹³¹ См. Плеханов Г.В. Рабочий класс и социально-демократическая интеллигенция. Соч., т. 13. М.—Л., 1926. С. 116–133, 134.

¹³² Троцкий Л.Д. О партии 1904 г. М.—Л., 1928. С. 127.

¹³³ Луначарский А.В. Революционные силуэты. М., 1923. С. 12.

¹³⁴ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 56.

шение к царю. Наряду с экономическими требованиями в петиции подчеркивалась вера во всемогущество государя: «Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества... а не повелишь – мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом». Петиция отражала коллективное сознание рабочих, показывая, что они еще не овладели революционными теориями российских социал-демократов. Кровавое воскресенье 9 января развеяло веру в царя-батюшку, всколыхнуло всю Россию.

Весенние выступления крестьян еще более обострили общественное состояние в стране. Создавалась благоприятная обстановка деятельности социалистов по активизации революционного настроения народных масс. «В России еще нет революционного народа», – писал накануне 9 января Петр Струве – вождь русских либералов, которого высмеивал Ленин в январе 1917 г. в докладе о революции 1905 года. В то же время и не отрицал, что «9 января 1905 года революционная партия России состояла из небольшой кучки людей – тогдашние реформисты (точь-в-точь как теперешние), издеваясь, называли нас «сектой». Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листовок...

«Однако, – констатировал Ленин, – в течение нескольких месяцев (после 9 января. – *В.П.*) картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями, – преувеличивал Ленин, – от двух до трех миллионов пролетариев». Все это, по мнению Ленина, революционизировало «крестьянское движение... повело к солдатским восстаниям... Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, – утверждал Ленин, – таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»¹³⁵.

Почти действительно так, но не совсем. Во-первых, вожди в российской социал-демократии были не массовые, а штучные, да и то лишь обозначены позже. Во-вторых, действительно были крестьянские волнения, вовсе не организованные в «крестьянское движение», да и социал-демократы здесь ни при чем. Этого не могли сделать даже социал-революционеры, ибо по своей частно-капиталистической или мелкобуржуазной сущности крестьяне России еще верили в царя. В-третьих, хотя и были революционные выступления солдат и матросов, все же армия оставалась верна присяге императору России.

Революционная эйфория, застилающая реальную действительность, возбуждала Ленина, разжигая его воображение, активизируя деятельность. 12 апреля 1905 г. в Лондоне открывается третий съезд РСДРП под руководством Ленина. Меньшевики отказались от участия в нем. Главным вопросом съезда стало обсуждение подготовки вооруженного восстания. Проект резолюции о вооруженном восстании был написан Лениным. В резолюции, принятой съездом большевиков, подчеркивалось, что общедемократическое революционное движение в России привело к необходимости вооруженного восстания: «...осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного вооруженного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и создать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа»¹³⁶.

В постановляющей части резолюции большевики фактически отказывались от подчинения Временному правительству: «Независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократов во Временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на

¹³⁵ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 310–311.

¹³⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7. М., 1954. С. 77–78.

Временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией (большевиками. – *В.П.*) пролетариата в целях охраны, упрочнения и расширения завоеваний революции»¹³⁷.

Вопрос о подготовке и проведении вооруженного восстания был явно преждевременным. Во-первых, рабочий класс России не представлял большинства населения страны. Во-вторых, даже беднейшее крестьянство не было революционно настроено. В-третьих, большевистские организации не были готовы выступить с оружием в руках против самодержавия.

Вместе с тем в резолюции было верно констатировано, «что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов»¹³⁸.

Действительно, самодержавие под действием большинства революционно настроенных политических сил вынуждено было пойти на ряд уступок. 6 августа Николай II подписал указ об учреждении новой Государственной думы. Это было совещательное собрание, в чьи обязанности входили лишь «предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений», не касаясь основных законов империи. Дума была лишена какой-либо инициативы и не имела права по вопросам бюджета. Выборы должны были проходить с учетом сословного и имущественного ценза, что сокращало участие в выборах представителей средних слоев населения и фактически лишало избирательных прав рабочий люд.

Указ от 6 августа вместо ожидаемого успокоения народных масс вызвал крайнее их возбуждение. В сентябре была достигнута договоренность Союза союзов и социал-демократов о проведении всеобщей стачки с целью давления на самодержавие. 12 октября была парализована железнодорожная сеть страны, остановились промышленные предприятия, типографии, отключили телефоны, электричество. 13 октября в Санкт-Петербурге был образован Совет рабочих депутатов, объявивший себя «единственным полноправным представителем трудящихся Санкт-Петербурга».

Учитывая революционный накал в стране, Николай II принял предложения председателя кабинета министров С.Ю. Витте даровать народу основные свободы и установить конституционный режим. «Я, – говорил Николай II Святополку Мирскому, – придерживаюсь самодержавия не для своего удовольствия. Я, – уверял император, – действую в этом духе только потому, что я убежден, что это мне нужно для России, а если бы для себя, я бы с удовольствием от всего этого отказался»¹³⁹. 17 октября царь подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», суть которого сводилась к трем обещаниям:

«Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты...

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости оставшегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была воз-

¹³⁷ Там же. С. 78.

¹³⁸ Там же. С. 79.

¹³⁹ Исторический архив. 1965. № 77. С. 247.

возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

Таким образом царский Манифест становился конституционной основой самодержавия. Несомненно, это была победа демократических сил, вместе с тем отношение к нему было различным.

Более жестко выступала крайне правая партия, националистическая по духу, придерживающаяся монархических и антисемитских взглядов, – «Союз русского народа» под руководством А.И. Дубровина, В.А. Грингмута, В.М. Пуришкевича и др., которым покровительствовал сам царь. Троцкий выразил мнение социал-демократов фразой: «Пролетарий не желает нагайки, завернутой в пергамент конституции», а меньшевик Г. Носарь (П. Хрусталев), стоящий во главе Петербургского Совета рабочих депутатов, продолжал активно призывать рабочих на борьбу вплоть до полной победы над самодержавием.

Поддержали Манифест представители торгово-промышленной буржуазии, объединившиеся в партию «Союз 17 октября» под руководством таких известных политических деятелей, как А.И. Гучков, М.В. Родзянко, М.А. Хомяков и др. Девиз октябристов – сохранение единства и нераздельности Российской империи, сильная монархическая власть.

В отличие от октябристов члены Конституционно-демократической партии (партии «народной свободы»), основанной также в октябре 1905 г., считали Манифест 17 октября началом политической борьбы. Ее лидеры П.Н. Милуков, В.Д. Набоков, А.И. Шингарев и др., представлявшие просвещенную буржуазию, среднее сословие, национальные меньшинства, считали, что «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией».

Большевики не только не верили обещаниям царя, но и бойкотировали выборы в Государственную думу, чем обеднили свою политическую деятельность, потеряв прекрасную возможность пропаганды своей революционной программы. Они были нацелены на более радикальные меры – захват власти путем вооруженного восстания. 18 октября 1905 г. большевистский ЦК РСДРП выпустил воззвание «К русскому народу», в котором говорилось, что «народу нужны не бумажные обещания, а надежные гарантии: немедленное вооружение народа, отмена военного положения, созыв Учредительного собрания, отмена сословного строя, введение 8-часового рабочего дня. Пока этих гарантий нет – борьба продолжается».

«Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать», – сообщал корреспондент «Таймс». «Мы имеем полное право торжествовать, – писал Ленин из Женевы. – Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы». Ленин настаивал на решительных действиях революционного народа, которому «остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы»¹⁴⁰.

«Революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя...» – кипел в Женеве Ленин. «...Вы не одиноки, рабочие и крестьяне всей России!» – уверял из-за границы вождь, надеясь, что «если вам удастся свалить, добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России, то ваша победа будет сигналом всемирной борьбы против тирании капитала, борьбы за полное, не политическое только, но и экономическое освобождение трудящихся, борьбы за избавление человечества от нищеты и за осуществление социализма».

Призывать легче, чем «свалить, добить и уничтожить...», ибо это море крови, которая не могла служить «сигналом всемирной борьбы... от нищеты и за осуществление социализма»¹⁴¹.

¹⁴⁰ Ленин В.И. Первая победа революции. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 27.

¹⁴¹ Там же. С. 34–35.

Особое внимание Ленин уделил Советам рабочих депутатов в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В статьях «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», «Умиряющее самодержавие и новые органы народной власти» и др. он теоретически разрабатывает вопрос о Советах как органах народной власти, раскрывает их сущность и задачи. В противоположность меньшевикам, считавшим Советы органами местного самоуправления или стачечными комитетами, Ленин рассматривал их «как органы восстания, как революционную, самую демократическую власть, способную объединить революционные силы страны и стать подлинным выражением народной воли».

На наш взгляд, нельзя согласиться с Лениным, ибо Советы рабочих депутатов не могли представлять «самую демократическую власть» в России, где рабочие не составляли простого большинства населения. С другой стороны, Ленин по-марксистски прав, отстаивая «самую демократическую власть» в форме диктатуры пролетариата, более определенно заявив: «Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец»¹⁴².

8 ноября 1905 г. Ленин приехал в Петербург для организации вооруженного восстания, 26 ноября был арестован председатель Петросовета Г.С. Носарь. Президиум Совета в составе трех человек, в том числе Троцкий, взявший на себя обязанности председателя, принял решение ответить вооруженным восстанием. Петроградский Совет 2 декабря обратился к населению с «Финансовым манифестом», призывавшим «отказаться от взносов выкупных и других казенных платежей» и требовать при всех сделках выплаты золотом, что должно было вызвать финансовый крах самодержавия.

На следующий день по приказу министра внутренних дел П.Н. Дурново было арестовано около 260 депутатов, почти половина состава Петросовета. Под руководством А.Л. Гельфанда (Парвуса) собрался суррогатный Совет, который 6 декабря призвал начать через два дня всеобщую стачку. Однако этот призыв не дал результатов, несмотря на его поддержку Союзом союзов.

Значительно больших успехов достиг Московский Совет, хотя и образованный только 21 ноября из представителей трех основных социалистических партий, который решил вывести революцию из «буржуазной фазы». 6 декабря Моссовет вынес решение начать на следующий день вооруженное восстание с целью свержения царского правительства, созыва Учредительного собрания и провозглашения демократической республики¹⁴³. 7 декабря жизнь в Москве была парализована всеобщей стачкой, которой руководил Московский комитет большевиков, имевший боевую организацию во главе с Л.И. Кудрявцевым. 9 декабря по приказу московского генерал-губернатора Дубасова правительственные войска приступают к наведению порядка. Начинается вооруженное восстание. 16 декабря все районы Москвы, кроме Пресни, были заняты войсками и полицией. МК РСДРП совместно с представителями Московского Совета рабочих депутатов принимают решение прекратить восстание с 18-го, а политическую стачку 19 декабря и выйти на работу.

В ответ на горестное признание Плеханова: «Не надо было браться за оружие», – Ленин заявил: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»¹⁴⁴. Явно не соразмеряя соотношение сил, Ленин фанатично продолжал призывать на вооруженную борьбу против самодержавия. Большевицкие листовки, прокламации, обращения 1904–1907 гг. настойчиво

¹⁴² Ленин В.И. Наши задачи и Совет рабочих депутатов. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 70.

¹⁴³ Революция 1905–1907 гг. в России. / /Документы и материалы. Под ред. А.М. Панкратовой. Т. 2. Кн. 1. М., 1961. С. 650.

¹⁴⁴ Ленин В.И. Уроки Московского восстания. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 371.

призывали рабочих на борьбу с самодержавием «за свободу» не только забастовками и политическими стачками, но и вооруженным восстанием, что было явно пренебрежительно. «Будем помнить, – настаивал Ленин, – что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание, – с уверенностью заявлял вождь большевиков. – ...Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространяться в массах и обеспечить победу»¹⁴⁵.

Ленин назвал декабрьское вооруженное восстание в Москве «генеральной репетицией» предстоящей социалистической революции. «Каждый месяц этого периода, – считал Ленин, – равнялся в смысле обучения основам политической науки и масс, и вождей, и классов, и партий – году «мирного конституционного развития»¹⁴⁶. По Ленину, не только победа или генеральная репетиция, но даже обучение «политической науке» на крови – это благо для народа, вне зависимости от мнения самого народа.

В «Докладе о революции 1905 года» Ленин писал, что «буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним. Напр., в немецкой так называемой «научной» литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой литературе о политическом развитии России назвал московское восстание «путчем». «Ленинская группа, – пишет этот «высокоученый» господин профессор, – и часть эсеров давно уже готовяли это бессмысленное восстание»¹⁴⁷.

Действительно, вооруженное восстание, организованное большевиками, с точки зрения закона было путчем. Да и с точки зрения логического разума было бессмысленно. О малой эффективности революционной борьбы в отсталой России предупреждали Ленина многие западноевропейские деятели. Однако такое мнение вождь российских большевиков считал ошибочным. Он уверял, что «...русская революция – именно благодаря своему пролетарскому характеру в том особом значении этого слова... остается прологом грядущей европейской революции». Более того, Ленин писал, «что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию»¹⁴⁸. Чего-либо существенного в качестве научного доказательства у Ленина не было, но вера и маниакальная навязчивость увлекали его окружение. Так Ленин становился вождем социалистической революции по принуждению своего желания, а не по существу положения. В 1924 г. после смерти вождя большевиков его соратник по Октябрьскому перевороту напишет, что Ленин «прожил эмигрантом тот период своей жизни, в течение которого он окончательно созрел для своей будущей исторической роли...». «Лозунг социалистической революции, – считал Троцкий, – он провозгласил, едва ступив на русскую почву».

На наш взгляд, «лозунг социалистической революции» у Ленина созрел действительно в эмиграции, а вот претворять его он начал явно в декабре 1905 г., и заблуждался Троцкий в перспективе дела Ильича, утверждая: «Формулы выдержали проверку...»¹⁴⁹ Никаких реальных «формул» не было, была демагогия, обман, эксперимент. Формулировки типа: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и др., за исключением взятых из Библии типа: «Кто не работает, тот не ест» и пр., также не выдержали проверки, но претворение их в реальную практику жизни стоило неизмеримо дорого.

¹⁴⁵ Там же. С. 376.

¹⁴⁶ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9.

¹⁴⁷ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 325.

¹⁴⁸ Там же. С. 327.

¹⁴⁹ Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографии. М., 1924 г. С. 61.

Революционный взрыв в России в 1905 г. произошел не столько от деятельности «Искры» и большевиков на местах, сколько из-за социально-экономического кризиса, падения жизненного уровня трудящихся и реакционной политики.

События 1905–1907 гг. в России общепринято называть революцией, хотя это не бесспорно. Во-первых, революция – это коренное, качественное изменение в жизни общества и государства, скачкообразный, резкий переход от старого общественно-политического строя к новому и прежде всего изменение существующей власти. Во-вторых, самодержавие не пало, хотя и вынуждено было пойти на существенные политические уступки – созыв Государственной думы, гласность политических партий и др., закрепленные в Манифестах царя в августе и октябре 1905 г. И, в-третьих, именно самодержавное правительство, жестко подавив революционное выступление, начинает коренные экономические преобразования, названные по имени председателя Совета министров Петра Столыпина – «стольпинские реформы».

Не потеряв надежды на захват власти, большевики, загнанные в подполье, в тюрьмы, ссылки и за границу, теоретизируют и выжидают критический момент в возмущении народных масс. Пытаясь окончательно сломить инакомыслие социал-демократов, Ленин настаивает на созыве партийного съезда, который должен был окончательно определиться в тактике большевиков, ибо большая часть его оппонентов считала революцию в России преждевременной, рассчитывая на конституционные меры борьбы за власть в союзе с самой широкой демократической общественностью, в том числе и с буржуазными партиями. Они предлагали реорганизовать нелегальную, заговорщическую структуру РСДРП...

Не вдаваясь в подробный анализ «ликвидаторов», так названного Лениным идейно-политического движения под руководством Дана, Мартова, Потресова, Мартынова, Аксельрода и др., необходимо отметить его новизну и перспективность демократических завоеваний по пути «буржуазных» преобразований в России. К тому же в демократическую борьбу парламентскими методами вовлекались более опытные буржуазные представители, революционность которых Ленин отрицал категорически. «Организационное ликвидаторство, – признавал Ленин, – есть отрицание необходимости нелегальной, социал-демократической партии и связанное с этим отречение от РСДРП...»¹⁵⁰

Действительно, «ликвидаторы» предлагали новую организацию, представлявшую не столько орган революции, сколько орган конституционной социал-демократической деятельности. Ленина это не устраивало, ибо это не приводило к единоличной власти большевиков. Вследствие этого он начинает против них яростную борьбу, называя их «предателями интересов рабочего класса, пособниками буржуазии».

В это же время Ленин не мог не учитывать популярности идей «ликвидаторов», столь же яростно выступая и против «отзовистов», отрицавших демократический этап предстоящей революции и утверждавших, что предстоящая революция в России будет сразу иметь социалистический характер, что пугало большинство населения, дискредитировало большевиков.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной в 1920 г., В.И. Ленин подчеркнет: «...большевики не могли бы удержать (не говоря уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии в 1908–1914 гг., если бы они не отстояли в самой суровой борьбе обязательности соединения с нелегальным участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами учреждений (страховые кассы и проч.)»¹⁵¹. Однако это не совсем объективное признание Ленина и несколько запоз-

¹⁵⁰ Ленин В.И. Ликвидация ликвидаторства. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 45.

¹⁵¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 18–19.

далое, ибо он как бы пытался оправдать примиренческие действия своих соратников Камнева, Зиновьева и др. во главе с «Иудушкой Троцким».

Период 1907–1910 гг. большевики назвали периодом реакции, имея в виду действия царского правительства П. Столыпина по наведению порядка в стране и проведению экономического реформирования. Торопливые желания экономической стабилизации, да и некоторые обострения столыпинского реформирования дают возможность нового витка политической активности большевиков.

В результате разногласий «твердого» и «мягкого» курса российских марксистов оформились две фракции РСДРП. Официальный развод российских социал-демократов произошел в январе 1912 г., когда по настойчивой инициативе Ленина в Праге состоялась общепартийная конференция большевиков, конституировавшая РСДРП(б). «Наконец удалось, – писал Ленин Горькому, – вопреки ликвидаторской сволочи – возродить партию и ее Центральный Комитет»¹⁵².

Значительным стимулом действий социалистов стало участие России в мировой войне. Война не только истощала Россию, вносила дезорганизацию и хаос в слабую ее экономику, но материально и морально подавляла население страны, революционизировало наиболее нетерпеливых.

Ленин внес «существенную» лепту в обострение и без того сложной обстановки в России своим Манифестом, опубликованным 19 октября 1914 г. от имени ЦК партии большевиков: «Война и российская социал-демократия». Это была программа большевиков по отношению к войне. В противовес лидерам II Интернационала Ленин считал, что если войну не удалось предотвратить и она является фактом, то необходимо вести линию на обострение обстановки классовой борьбы в интересах революции. Ленин призвал превратить войну империалистическую в войну гражданскую, т. е. в войну между социальными группами населения, классами самой России. Каков же итог предвидел Ленин? В победе России просматривалась перспектива укрепления государственной власти. В ходе гражданской войны был возможным приход к власти большевиков. Непосредственными шагами по пути осуществления своей идеи Ленин считал отказ от гражданского мира; от голосования за военные кредиты и обязательный выход представителей социалистических партий из правительства; создание нелегальных партийных организаций везде, где затруднена легальная работа; поддержку братания на фронте солдат воюющих армий, имевшего большое значение в пробуждении у них интернационального сознания и революционной активности.

По отношению к войне Ленин выдвинул в Манифесте еще один не менее оригинальный лозунг, суть которого выражалась в том, что «революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства». По мнению Ленина, военные неудачи, ослабляя правительство, способствовали развертыванию революционной борьбы, облегчали тем самым его свержение. Столь откровенно антипатриотические идеи, вполне естественно, во-первых, вызывали открытую неприязнь правящих кругов России; во-вторых, разобщали, противопоставляли, озлобляли и революционизировали народные массы; в-третьих, не могли остаться без внимания и материальной поддержки их проповедники со стороны Германии, заинтересованной в успехе большевистских идеологов, несших в стан противника явную смуту.

Пытаясь скорректировать свои расхождения с Марксом по поводу социалистической революции и ее победы, В.И. Ленин впервые в августе 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» на основе открытия, ставшего фактом, о неравномерности экономического и политического развития сделал вывод: «Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической

¹⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 44.

стране»¹⁵³. А несколько позже он добавит, что «социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев всех стран...».¹⁵⁴ В то же время Ленин пришел к окончательному заключению, что «социализм не осуществим иначе как через диктатуру пролетариата»¹⁵⁵, которая отпадет лишь с ликвидацией антагонистических классов, построением и упрочением социализма, исчезновением опасности восстановления капиталистических отношений.

Таким образом, Ленин уточнил марксизм в отношении «победы социалистической революции» и объединения «пролетариев всех стран», не скрывая, что построение «светлого будущего» возможно только посредством диктатуры пролетариата с вытекающими из этого весьма жесткими, если не сказать большего – кровавыми методами на неопределенную перспективу. Осталось доказать, что самым благоприятным местом для социалистической революции является Россия.

Вот как описывает обстановку тех трагических дней В. Шульгин: «Кто-то предложил в горячей речи, что всем членам Думы в это начавшееся тяжелое время нужно сохранить полное единство – всем, без различия партий, для того чтобы препятствовать развалу... необходимо избрать комитет, которому вручить «диктаторскую власть»... Диктаторская власть, – отмечал Шульгин, – есть функция опасности: так было – так будет... В сущности это было бюро Прогрессивного блока с прибавлением Керенского и Чхеидзе. Это было расширение блока налево...» В блоке были представители основных партий за исключением большевиков, которые мечтали о безраздельной власти, но взять ее еще не могли, просто еще не умели, вливаясь «живым, вязким человеческим повидлом» в Таврический дворец. «Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода, – с омерзением вспоминал В. Шульгин, – бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было – у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Увы, этот зверь был... его величество русский народ...»

То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»¹⁵⁶.

Однако никакой революции не замечал один из руководителей русского бюро ЦК РСДРП(б) А.Г. Шляпников, считавший, что «дадут рабочим по фунту хлеба, и движение уляжется».

И все же, пока революционная толпа была бесхозной, а социал-демократы в лице меньшевика Н.С. Чхеидзе и трудовика А.Ф. Керенского входили в Прогрессивный блок, был «создан Комитет Государственной думы для поддержания порядка в столице и для сношений с учреждениями и лицами». Необходимо было прежде всего сбить агрессивно-революционный накал вооруженной толпы. Настал момент действовать объединившейся еще в конце 1916 г. оппозиции думских политических партий и монархии. Председатель Госдумы Родзянко телеграфирует царю 26 и 27 февраля о критическом положении в столице, подчеркивая, что «положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». Восстанием был охвачен пока лишь Петроград. Основным возмутителем спокойствия царь считал Государственную думу, постановив с 27 февраля отложить ее заседания до апреля.

Таким образом, ни крайне левые, ни крайне правые не представляли опасности солдатской массы, объединившейся с петроградскими голодными рабочими. Ни Николай II, ни

¹⁵³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 44.

¹⁵⁴ Там же. О карикатуре на марксизм, т. 30. С. 11.

¹⁵⁵ Там же. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову), т. 30. С.

¹⁵⁶ Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 445.

Ленин не видели революции в России. Под угрожающим действием вооруженной толпы сановники и представители Комитета Госдумы уговорили царя отречься от престола.

2 марта 1917 г., в 15 часов 3 минуты, император России Николай II подписал акт об отречении от престола: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца... В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совети облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя Верховную власть...»¹⁵⁷

Отречение Николая Романова произошло в условиях, когда его семья оказалась в заложниках у мятежников. Дети в тот момент серьезно заболели один за другим. Царское Село было окружено восставшими частями, среди них были фанатики, горевшие желанием расправиться с императрицей-«немкой». Главное же, император понимал, что наведение порядка монаршей волей означало открытие второго фронта против своих подданных.

Из стенограммы разговора по прямому проводу генерала Рузского, командующего Северным фронтом, с Родзянко, председателем Государственной думы. Начало разговора – половина четвертого ночи 15 марта 1917 г.:

«Рузский:...Имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно... Подумайте, что будет тогда с родиной нашей?»

Родзянко:...Переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней, одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу...

Рузский: Дай Бог...»

Когда царю передали содержание этого разговора, Николай II сказал: «Я буду благодарить Бога, если Россия без меня будет счастлива...»

Оплеванное «красными» и «белыми» историками отречение отодвинуло Гражданскую войну на целый год. Немногие знали тогда, и немногие помнят сегодня, что до крупномасштабного военного столкновения оставались считанные часы. Ставшее расхожим мнение о том, что отречение Николая II погубило страну и открыло путь большевикам – это наш новый самообман. Не император отрекался от России, а она речами и действиями своих генералов, фабрикантов и политиков, охрипшими глотками контуженых солдат отрекалась от своего государя.

С красным бантом на кителе приехал в Царское Село генерал Корнилов, чтобы объявить императрице решение о ее домашнем аресте.

Павел Милюков, будущий министр иностранных дел Временного правительства, 1 марта заявляет: «Старый деспот, доведший Россию до границ гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен». «Старому деспоту» было 48 лет...

Участие большевиков, вожди которых находились за границей, в тюрьмах и ссылке, в Февральской революции весьма относительно, ибо всеобщая стачка, демонстрации и даже решение членов ЦК, Петроградского комитета и Выборгского райкома большевиков о переводе стачки в вооруженное восстание не решали положение, а обостряли его, хотя «спонтанная активность низов» играла большую роль¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Цит. по кн.: *Волкогонов Д.* Ленин – политический портрет. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1994. С. 364–365.

¹⁵⁸ *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж. 1963. Кн. 1. С. 393; *Станкевич В.Б.* Воспоминания / Февральская революция. Мемуары. М.—Л., 1926. С. 405.

Разрешило обстановку отречение Николая II, а затем и Михаила Романовых от царского престола по настоятельной просьбе членов «Временного Комитета для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями» во главе с председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко, отражавших интересы самых широких кругов русского общества, от либералов до монархистов, среди которых были такие крупные буржуазные предприниматели, как Гучков, Терещенко, Коновалов, Путилов и др., генералы Деникин, Алексеев, Крымов, представители высшей аристократии и даже родственники императора.

По воспоминаниям очевидцев, Николай II, выслушав мнение своего генеральского окружения, сказал: «Я решил. Я отрекаюсь от престола», – и перекрестился¹⁵⁹. Вероятно, перекрестилась и вся Россия за исключением большевиков.

В процессе борьбы против монархии объединились «все партии, все классы, все национальности без различия веры, пола, языка, – писал М.В. Вишняк. – Но это продолжалось очень недолго»¹⁶⁰. Это объяснялось тем, что Временное правительство было классово-односторонним и действовало на основе законов, защищающих частную собственность. Оно не поставило задач по изменению социально-экономической структуры и общественно-политического порядка в России, считая, что демократизация общественной жизни значительно активизирует население, поднимет еще большую волну патриотизма в армии. Все это будет, по мнению правительства, способствовать достижению быстрой победы над Германией. И лишь после заключения мира все вопросы общественного реформирования, в том числе и формирования самого правительства, будет решать Учредительное собрание.

3 марта была опубликована программная декларация Временного правительства, а 6 марта оно выступило с обращением к гражданам России, заявив о стремлении довести войну «до победного конца» и неуклонно выполнять все договоры и соглашения, заключенные Россией со своими союзниками.

С одной стороны, это было весьма логично, ибо шла война и говорить о мире можно было лишь в принципе. Вопрос о земле должны были решать при условиях самого широкого участия крестьян, большинство которых воевало, и при территориальной стабильности России. Рабочий вопрос – 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, улучшение условий труда и т. п. – также не мог быть решен, ибо фронт нуждался в боеприпасах и вооружениях, поглощая почти весь государственный бюджет. К тому же конкретное решение столь актуальных вопросов, без сомнения, было неправомочно даже большинством Прогрессивного блока и могло привести к обострению политической обстановки в стране. С другой стороны, обостряющиеся экономические трудности, возросшая политическая активность народных масс, популистские лозунги и давление социалистов толкали Временное правительство на практические и конкретные действия, которые не вызывали его популярности.

8 марта оно заявило о принятии на себя всех внутренних и внешних финансовых обязательств царского правительства.

9 марта было издано распоряжение о привлечении крестьян к уголовной ответственности за участие в «аграрных беспорядках». Временное правительство распорядилось 12 марта передать государству кабинетские земли, а 16 марта – удельные земли. Временное правительство обещало поставить аграрный вопрос на решение Учредительного собрания. В целях подготовки материалов по земельному вопросу для Учредительного собрания постановлением от 21 апреля создавались главные губернские, уездные и волостные земельные комитеты.

По национальному вопросу Временное правительство исходило из идеи «великой и неделимой России», не отказываясь решать национальные проблемы Финляндии, Украины

¹⁵⁹ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев: Документы. Л., 1927. С. 199.

¹⁶⁰ Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 386, 248.

и др. на Учредительном собрании. 4 апреля опубликовало декрет о равноправии российских евреев.

12 апреля Временное правительство приняло закон о свободе собраний и союзов, т. е. ввело всеобщую гласность личности и организаций.

Таким образом, Временное буржуазное правительство было более прогрессивным, нежели царское, но его действия ограничивали война и отсутствие государственно-правовых механизмов исполнения принимаемых решений. По определению премьер-министра Г.Е. Львова, Временное правительство было «властью без силы». Оно должно было считаться с Советами, представлявшими «силу без власти». Действительно, после падения монархии в России сложилась своеобразная ситуация в форме двоевластия.

Вторую власть, без согласия которой блокировались распоряжения Временного правительства, представляли возродившиеся в ходе Февральской революции Советы. Петроградский Совет рабочих депутатов превратился в Совет рабочих и солдатских депутатов 1 марта, после создания в его составе солдатской секции. Председателем Петросовета был избран Н. Чхеидзе. Своим приказом № 1 по гарнизону Петроградского округа Совет рабочих и солдатских депутатов начинает фактически устанавливать Советскую власть с момента своего образования, т. е. с 1 марта 1917 г. Опасаясь компрометации себя в глазах трудящихся, руководители Петроградского Совета эсеры и меньшевики отказались от вхождения во Временное правительство, оставив за собой «контроль» за его деятельностью, игнорируя предложение большевиков составить социалистическое правительство только из представителей, входящих в Совет.

Существует мнение о том, что Петросовет безоговорочно поддерживал Временное правительство. Это не соответствует истине. Из соглашения, заключенного между ними 2 марта, следовало, что Петросовет поддерживал только те пункты правительственной программы, которые отвечали интересам демократии, и «в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать»¹⁶¹. В дальнейшем это найдет выражение в коалиционных правительствах. «Временное правительство, – писал 9 марта военный и морской министр Гучков начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексеву, – существует лишь, пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов»¹⁶².

8 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение об аресте семьи Николая Романова и о заключении бывшего императора в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Однако по распоряжению Временного правительства Николай II и его семья были отправлены сначала в Царское Село, а в августе 1917-го – в Тобольск, самое безопасное, по мнению Керенского, место в России.

Преобладающее влияние в Советах эсеров и меньшевиков ориентировало массы не на сиюминутную победу социализма, а на буржуазно-демократические преобразования. «Не повторим же ошибок 1905 г., – предупреждал меньшевик Н.Н. Суханов, – когда мы своими действиями отпугнули буржуазию и она стала искать союза с самодержавием»¹⁶³.

Февральская революция значительно повлияла на партийно-политическую систему России. Нелегальные партии вышли из подполья. Крайне правые, монархические и националистические черносотенцы фактически были разгромлены революционным напором огромной массы народа, вовлеченного в политическую жизнь страны. Тяжелый кризис переживали правоцентристские партии октябристов и прогрессистов. Даже самая крупная и влиятельная либеральная партия конституционных демократов раскалывалась. На VII

¹⁶¹ Шляпников А. Семнадцатый год. М.—Л., 1927. Кн. 1. С. 341.

¹⁶² Цит. по кн.: Ненароков А. 1917. Великий Октябрь: документы, фотографии. М., 1977. С. 66.

¹⁶³ Суханов Н. Записки революционера. М., 1993. Кн. 1. С. 43.

съезде кадетской партии в конце марта 1917 г. произошел отказ от ориентации на конституционную монархию, а на VIII съезде в мае 1917 г. кадеты высказались за республику.

Таким образом, расстановка политических сил после падения монархии в России представляла альтернативу: буржуазно-реформистский путь дальнейшего развития при коалиции основных политических сил или продолжение революции, взятие власти социалистическими партиями и установление диктатуры пролетариата.

Социалистические партии обладали фактической силой, ибо представляли большинство народных масс. Самая многочисленная партия социал-революционеров достигала весной 1917 года почти 1 млн человек. В ее ряды записывались целыми деревнями и ротами. Партия, лидерами которой являлись В.М. Чернов и Н.Д. Авксентьев, привлекала радикальной и близкой крестьянам аграрной программой, требованием федеративной республики, героически легендарным ореолом народных борцов против самодержавия. Эсеры выступали за народную революцию, социализацию земли, развитие кооперации и самоуправления трудящихся. Левое крыло эсеров под руководством М.А. Спиридоновой, Б.Д. Камкова, П.П. Прошьяна стремились к более решительным действиям по отчуждению помещичьих земель, «в сторону ликвидации войны» или изменению ее сущности. Они выступали против коалиции с буржуазными партиями и даже с кадетами.

Партия эсеров выступала в блоке с меньшевистским крылом РСДРП. Меньшевики хотя и уступали эсерам по численности, но по интеллектуальному потенциалу значительно превосходили их, осуществляя «идейную гегемонию» в блоке, даже несмотря на главенство в правительстве эсера Керенского. Меньшевики видели свою слабость в идейной разобщенности, хотя и не раз пытались объединиться. Меньшевики выступали за сотрудничество с либеральной буржуазией, считая преждевременными и пагубными крутые социалистические преобразования. «Что произошло бы у нас, – задавался вопросом Г.В. Плеханов, – если бы власть немедленно перешла в руки социалистов? Такой переход был бы не чем иным, как диктатурой «пролетариата и крестьянства». Наша трудящаяся масса еще не готова для такой диктатуры. Как заметил Энгельс, для всякого данного класса нет большего несчастья, как получить власть в такое время, когда он, по недостаточному развитию своему, еще не способен воспользоваться ею надлежащим образом: его ожидает в этом случае жестокое поражение».

Выступая за сотрудничество с либеральной буржуазией, меньшевики условно поддерживали Временное коалиционное правительство, которое постепенно будет социализироваться. «Мы должны критиковать буржуазию, – утверждал Плеханов, – мы должны всеми силами отстаивать от ее посягательств на интересы рабочего класса, но мы должны делать это разумно и целесообразно; мы должны вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию»¹⁶⁴.

Меньшевики-интернационалисты во главе с Л. Мартовым, «оборонцы» во главе с А. Потресовым, «революционные» во главе с И. Церетели, Ф.И. Даном (Гурвичем) выступали с позиций «революционной обороны», поддерживая лозунг «Война до победного конца!». Вследствие этого меньшевики и эсеры соглашались с Временным правительством и по решению других важнейших социально-экономических вопросов с учетом окончания войны и созыва Учредительного собрания. И все же с эсеро-меньшевистско-буржуазным блоком, с партией меньшевиков порвали плехановская группа «Единство», «Новожизненцы», меньшевики-интернационалисты во главе с Ю. Лариным (Лурье), небольшая, но влиятельная группа межрайонцев во главе с Л. Троцким.

¹⁶⁴ Цит. по кн.: *Пятницкий Л.М.* От Февраля до Октября 1917 года. М., 1994. С. 8.

Сила социалистических партий проявлялась в действиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который оказывал сильный нажим на Временное правительство, показывая его несостоятельность в решении коренных преобразований. Вместе с тем критика Петросовета должна была привести к более тесной коалиции с Временным правительством или к более решительным самостоятельным действиям. Умеренные Советы начинают революционизироваться по мере возвращения из ссылки наиболее активных деятелей российской социал-демократии, особенно большевиков, и ухудшения социального положения рабочих.

Из сибирской ссылки 12 марта вернулись в Петроград большевистские вожди Л. Каменев, М. Муранов, И. Сталин. В резолюциях ЦК РСДРП(б), принятых 5 и 13 марта, отмечалось, что большевики «не противодействуют власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа...».

Более жесткой позиции по отношению к Временному правительству придерживалось Русское бюро ЦК (А. Шляпников, В. Молотов (Скрябин), В. Залуцкий), в резолюции которого 4 марта отмечалось: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений»¹⁶⁵. Главное же, по мнению бюро, состояло в том, чтобы продолжить борьбу за «создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)».

Таким образом, крайне правые большевики под демократией подразумевали диктатуру многочисленной, но не самой лучшей части населения. Власть в руках трудящихся, по нашему мнению, возможна лишь в виде диктатуры, способной принуждать талантливых организаторов, деловых людей, творческих работников делать то, что необходимо для укрепления диктаторской власти.

Понимая резкость своей позиции, бюро ЦК большевиков вносит поправки, записывая в протоколе от 9 марта, что бюро, не считая важным поддерживать Временное правительство, в то же время не видит путей и активного противодействия ему. А в проекте резолюции 10 марта речь уже шла о возможности «воздействия на Временное правительство»¹⁶⁶. Более жесткую позицию занимали большевики в отношении войны, заявив, «что основной задачей революционной демократии по-прежнему является борьба за превращение настоящей антинародной империалистической войны в войну гражданскую против своих угнетателей – господствующих классов»¹⁶⁷.

Таким образом, Русское бюро ЦК РСДРП выступало не только против империалистической политики Временного правительства, но и «оборончества» меньшевистско-эсеровского Петросовета, призывая к гражданской войне, которую Ленин считал естественным элементом классовой борьбы, утверждая, что социалистическая революция «не может не сопровождаться гражданской войной...»¹⁶⁸.

Постепенное сближение с левыми, интернационалистическими группами меньшевиков начинают новобранцы Русского бюро ЦК Каменев (Розенфельд), Муранов и Сталин, хотя и имевший лишь совещательный голос¹⁶⁹, фактически захватившие редакцию «Правды». Из всех большевистских деятелей, находящихся тогда в России, Ленин выделял Каменева. В конце марта 1917 г. Ленин писал Я. Ганецкому из Цюриха в Стокгольм:

¹⁶⁵ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962, № 3. С. 136.

¹⁶⁶ Там же. С. 141, 143.

¹⁶⁷ «Правда», 10 марта 1917 г.

¹⁶⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 240.

¹⁶⁹ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.). С. 143.

«Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность»¹⁷⁰. Однако эту ответственность Каменев понимал по-своему. В главном – в вопросе об отношении к политическим оппонентам: социалистическим партиям и группам, к Советам и Временному правительству – он расходился с Лениным, выступая более лояльно. Так, по отношению к войне большинство делегатов от 40 партийных организаций из многих городов России 27 марта поддержали Каменева, выступив против поддержки войны и против бескомпромиссного осуждения оборончества.

29 марта совещание большевиков обсуждало центральный вопрос – об отношении к Временному правительству. В докладе, с которым выступил Сталин, было подчеркнуто: «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку ему поддержка, поскольку же оно контрреволюционно, поддержка Временного правительства неприемлема». Исходя из этого, Сталин предлагал выждать, «пока Временное правительство исчерпает себя, когда в процессе выполнения революционной программы оно дискредитирует себя», а «пока организовывать Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов и укреплять его...». Резолюция совещания смягчала положение доклада, проводя точку зрения Каменева – «бдительного контроля над действиями Временного правительства в центре и на местах, побуждая его к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима»¹⁷¹.

Таким образом, Каменев в отличие от Сталина на мартовском совещании большевиков по главным вопросам – отношению к войне и Временному правительству – занимал компромиссную позицию для объединения большевиков с социалистическими партиями интернационалистического направления. Руководитель Русского бюро ЦК РСДРП А. Шляпников, отодвинутый на третий план каменевско-сталинским авторитетом, телеграфировал в Стокгольм для передачи Ленину: «Ульянов должен приехать немедленно».

О переезде Ленина в Россию имеется ряд исследований, однако нет оценки поступка Ленина, который, оправдываясь, писал: «Прождав две недели ответа из России, мы решились сами провести названный план...»¹⁷² Большевики пренебрегли моралью, отправляясь в Россию через Германию с благословения и санкционирования германских «верхов». 1 апреля 1916 г. Генеральный штаб России получил донесение своего агента в Швейцарии: «Брут докладывает: поступают сведения, что русские социалисты отправляются в Россию через Германию на германские деньги, причем пропускают заведомых сторонников мира...»¹⁷³ Несомненно одно, Ленин стремился в Россию, где политические события принимали не большевистскую программу.

Ю. Мартов писал: «Ленинцы уезжают, и мы остаемся в еще худшем положении, чем были, ибо, с одной стороны, их проезд, несомненно, вызовет шум «о соглашении с немцами», а с другой – питерцы, увидев, что они приехали, подумают, что и мы, вероятно, также проедем, и не станут беспокоиться о нашей судьбе. Настроение поэтому у нас кислое...»¹⁷⁴

Политический соперник Ленина прекрасно сознавал, что, «чем позже удастся влезть лично в этот хаос, тем труднее будет внести свое, не действуя по методам Ленина и Троцкого, т. е. не образуя сразу свою «церковь», что мне, конечно, претит»¹⁷⁵. Мартов еще надеялся на единство социал-демократов, хотя прекрасно понимал желания Ленина и его сторонников. «О глупостях Ленина я говорил, – писал Мартов в письме Н. Кристи весной 1917 г., –

¹⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 423.

¹⁷¹ Цит. по кн.: Дробкина Ф. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 г. // Вопросы истории, 1956, № 9. С. 10. См. также: Мартовское партийное совещание... С. 232, 235–237, 248, 249.

¹⁷² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 120.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 500. Л. 43.

¹⁷⁴ РЦХИДНИ Ф. 362 (Мартов Ю.О.) Оп. 1. Д. 51. Л. 127.

¹⁷⁵ Там же. Л. 127–128.

по поводу его стремления – сначала выражавшегося туманно и неуверенно, а потом более твердо – заострить сейчас всю самостоятельную политику социал-демократии на борьбе за свержение Временного правительства, за создание «рабочего правительства»¹⁷⁶. Мартов опасался, что ленинцы, «рисую картину рабочего правительства на месте нынешнего, поведут в России, несомненно, тактику безразборчивого натравливания масс на это правительство», хотя оно намечало много полезного: «национальное равноправие, аграрная реформа, военная реформа и т. д.».

Таким образом, позиция Мартова была близка «линии Каменева», к которой склонялись большевистские российские организации. Но в Россию прибыл Ленин, который обнаружил свою программу – «Апрельские тезисы». Максимально концентрированно изложенную Лениным тактику революционной борьбы развивали его «Письма из далека». Установки Ленина не встретили поддержки петроградских большевиков, ибо они круто меняли не только «каменевский курс», но и все социал-демократическое мышление, по которому без завершения буржуазной революции и буржуазных преобразований переход к социалистической революции невозможен. Плеханов назвал «Апрельские тезисы» бредом, считая, что претензии большевиков на власть авантюристичны, ибо это вело к гражданской войне.

8 апреля 1917 г. «Правда», редакция которой была в руках Каменева и Сталина, объявила «схему т. Ленина» неприемлемой. Однако менее чем через две недели сначала на Петроградской, а затем на 7-й Апрельской конференции большевиков ленинские тезисы были приняты как политическая программа партии.

«Мягкий» Каменев был вынужден уступить «вождистскому» напору Ленина, его психознергии, о которой писал эсеровский лидер В. Чернов: «Уверенность в себе, почти полное отсутствие внутренних колебаний, непримиримость к политическому противнику, умение разглядеть его слабые стороны и использовать их в борьбе, доводя ее до победы». Чернов писал, что практика выковала в Ленине «изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа и надежду как-нибудь «вывернуться»... Его волевой темперамент был как сильная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают...»¹⁷⁷. Вместе с тем существовала и благоприятная почва формирования большевистского вождя и успеха его «брёда». Именно на практике революционной борьбы стала проявляться «вождистская» линия большевистской партии. Молодые большевистские функционеры, ставшие на профессиональный путь революционеров, нуждались в более решительных действиях, ярко выраженном идейном вожде, на фоне которого должны были проявиться «вождистские» таланты его соратников и учеников.

¹⁷⁶ Там же. Л. 129.

¹⁷⁷ См. «Родина», 1990, № 4. С. 14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.